

Елизавета Дворецкая

Ясень и яблоня.
Книга вторая

Корабль во фьорде

Елизавета Дворецкая

Ясень и яблоня. Книга 2

«Автор»

2008

Дворецкая Е. А.

Ясень и яблоня. Книга 2 / Е. А. Дворецкая — «Автор»,
2008 — (Корабль во фьорде)

ISBN 978-5-9717-0640-3

Самое тяжелое испытание для настоящего викинга – вовсе не кровопролитные войны и страшные ранения, а оскорбленная честь. Предводитель фьяллей Торвард, отвергнутый и униженный верховной жрицей священного острова Туаль, твердо решает добиться руки вероломной девушки. Пусть даже для этого придется на время обменяться личьями с рабом – иначе никак не узнать всех тайн острова, куда настоящему Торварду путь закрыт. Вот только вряд ли даже свадьба может счастливо завершить это противостояние мужчины и женщины, в сравнении с которым меркнут самые беспощадные битвы...

ISBN 978-5-9717-0640-3

© Дворецкая Е. А., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Краткое изложение предшествующих событий	5
Глава 1	6
Глава 2	27
Глава 3	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Елизавета Дворецкая

Черный камень Эрхины

Краткое изложение предшествующих событий

Любезный читатель, начавший эту книгу сразу со 2-го тома! Я не буду утомлять тебя всеми подробностями сложных обстоятельств и неоднозначных отношений. Это краткое предисловие имеет целью лишь сориентировать, кто из главных героев чего хочет от жизни. Итак...

Торвард, конунг фьяллей, вступив на престол, посватался к фрии Эрхине, верховной жрице и правительнице священного острова Туаль. Но Эрхина не только отвергла его, но и сочла себя оскорбленной этим предложением, которое низводило ее до уровня обычной смертной женщины. В то время как Торвард объезжал свои земли, она послала воинов на Аскефьорд, где находилась его усадьба. Из Аскефьорда туалы привезли Сэлу, дочь кузнеца, которую по ошибке приняли за принцессу, сестру Торварда.

Вернувшись домой, Торвард встал перед необходимостью отплатить Эрхине за вероломный набег. Но туалы считаются непобедимыми при свете дня, и почему-то никто еще не нападал на остров ночью. Чтобы найти слабое место туалов и вернуть домой Сэлу, Торвард сам отправился на Туаль. Его мать, колдунья Хёрдис, навела чары, придавшие Торварду внешний облик другого человека, бродяги по имени Коля. Под видом Коля он был привезен на Туаль и подарен Эрхине в качестве раба.

Здесь Торвард узнал от Сэлы тайну непобедимости Туаля: при свете дня его воины сильнее всех, а ночью из волн поднимается некогда затонувшая половина острова и священный город Аблах-Брег оказывается очень далеко от побережья, благодаря чему становится недоступен для нападения с моря.

Однажды Сэла встретила на берегу Сольвейг – свою дальнюю родственницу, которая много лет назад утонула и с тех пор стала духом-покровителем Аскефьорда. Сольвейг пообещала провести Сэлу над морскими волнами и помочь ей бежать. Но Сэла хочет не просто уйти с острова, но и похитить амулет Эрхины – черный камень, источник ее силы. Чтобы все это стало возможным, осталось только дожидаться Праздника Цветов – дня священной свадьбы Богини...¹

¹ В конце книги имеется Пояснительный словарь и Указатель имен и названий (персонажи, события и т. д.).

Глава 1

Предстоящие до Праздника Цветов сорок пять дней казались бесконечно долгими, и Сэла едва верила, что они когда-нибудь пройдут. День за днем она искала возможность сказать Торварду хотя бы два слова, но он не попадался ей. Зато от Ниамора ей теперь не было спасения: после Праздника Птиц ему взбрело в голову, что она его завлекает, а бегать от влюбленных женщин ведь не к лицу доблестному герою.

– Как ты ни спеши, а от меня ты не скроешься! – иной раз слышала Сэла, проходя по двору, и, обернувшись, видела за плечом грозную фигуру военного вождя, которого и не заметила раньше, но который был почему-то уверен, что она убегает именно от него.

– Какое красивое платье ты надела! – одобрил он в другой раз, когда Эрхина подарила ей какую-то обновку. – Мне нравится! Будь спокойна!

– А, значит, ты уже соскучилась по мне! – радовался он, стоило ей пройти мимо. – Ну и бойкая же девчонка, никуда от нее не скроешься! – И расплывался в широкой, чрезвычайно довольной ухмылке.

Сэла раз или два пыталась дать ему понять, что он заблуждается, но Ниамор видел в этом только лукавую игру, призванную сильнее воспламенить его чувства. А они воспламенялись только от мысли, что у кого-то есть такое намерение: готовность пойти навстречу женской любви на острове Туаль считалась одной из первейших добродетелей мужчины, а Ниамор, разумеется, во всем был здешним образцом! В конце концов Сэла так от него устала, что старалась не выходить одна.

А погода установилась уже совсем летняя, и фрия Эрхина со всеми приближенными много времени проводила на воздухе. До Праздника Цветов оставалось не так уж много, и для фрии пришло время выбора. Доблестные воины упражнялись с удвоенным пылом, надеясь заслужить благосклонность земной богини и стать ее священным супругом.

Целые дни Сэла просиживала вместе со всеми на зеленом валу, уныло наблюдала за доблестнейшими героями острова Туаль и надеялась хоть мельком увидеть Торварда по пути через двор обратно. Ее страстной сосредоточенности могла бы позавидовать всякая влюбленная. Но гораздо чаще она дожидалась Ниамора, который не мог допустить, чтобы прекрасная и высокородная дочь конунга скучала, и принимался развлекать ее рассказами о своих подвигах. Ах, если бы он знал, как жаждет она поговорить не с ним, а с рабом из кузницы, как хочется ей видеть не эти зеленые валы с бронзовыми, сияющими на солнце воротами, а бурые скалы и простые каменные изгороди Аскефьорда, не этот огромный дом с красными стенами, а дерновую крышу усадьбы Дымная Гора, где весной прямо на зеленых скатах расцветают подснежники, и маленькую березку, выросшую на западном углу, трепещущую на ветерке, словно от боязни упасть с высоты... Но корни держат ее надежно, и Сэла, как та березка, стремилась вернуться к той земле, в которой остались ее собственные корни.

В один из солнечных теплых дней Сэла и Дер Грейне сидели на валу вдвоем. Сегодня Сэле неожиданно повезло: по дороге сюда она заметила пару-тройку рабов, развалившихся на травке, – должно быть, в работе случился какой-то перерыв и их пустили отдохнуть. Двое из рабов были туалы, а между ними мелькнула темноволосая голова Торварда, подмигнувшего ей издали. И вдвойне ей повезло, что сегодня сама фрия осталась в Доме Четырех Копий, занятая какими-то делами, и две девушки оказались предоставлены сами себе. Вздвораженная и обрадованная этой двойной удачей, Сэла едва слышала, что говорит ей Дер Грейне, а все мысли ее находились чуть поодаль, у оконечности вала, где устроились те трое. Рабы тоже на свой лад развлекались: двое напали на третьего, а он отбивался вроде бы лениво и небрежно, но оставался на ногах, а двое противников по очереди или оба сразу летели на травку... Третьим, естественно, был Торвард.

«Вот это и есть истинное мастерство!» – с гордостью, словно речь шла о ней самой, мысленно отметила Сэла. Когда приложенные усилия совершенно незаметны и кажется, что всякий с легкостью мог бы сделать то же самое. Исподтишка поглядывая на него, Сэла дивилась: это был и не Торвард, и не Коль, а что-то третье, сплавленное из них двоих – лицо и тело Коля с выражением и повадкой Торварда. Туалы ничего не замечали, но для нее, знавшей Торварда с самого детства, его истинный дух все яснее проступал под чужими чертами. Конечно, он был совсем не таким, какого она знала в Аскефьорде: грубая, некрашенная рабская одежда, короткие волосы, к которым он не привык и все время отводил их со лба, борода на щеках, скрывающая шрам, очень его изменили, но все же это был он. И теперь, когда первое изумление прошло, Торвард с новым лицом вызывал в ней прежние чувства, даже больше: ее восхищение и преданность заметно выросли, когда он показал себя равным древнему Сигурду. При одной мысли о нем у Сэлы билось сердце, и теперь ей казалось, что всегда, всю жизнь она любила его и восхищалась им так же сильно. Лицо и глаза Коля, оживленные духом и взглядом Торварда, теперь казались ей гораздо прекраснее, чем когда ими владел прежний хозяин. Все туалые герои с их рыжими кудрями и золотыми ожерельями на румяных шеях бледнели в ее глазах рядом с некрасивым черноволосым рабом в бедной закопченной одежде.

Через некоторое время Торвард с другим рабом тоже вскарабкался по узкой, круто поднимающейся тропинке на вал и уселся в почтительном отдалении. Сэла ёрзала на месте, выдумывая способ отделаться от Дер Грейне, как вдруг солнечный свет заслонила темная туча и перед ней вырос Ниамор.

Доблестный герой был наряжен в блестящий нагрудник и держал меч с рукоятью в виде бронзовой головы барана с круто загнутыми рогами. Он только что поупражнялся, еще раз убедился в своей непобедимости и находился в прекрасном настроении. А Сэла чуть не застонала от досады: сейчас он был еще более некстати, чем обычно. Просто мучение разговаривать с этим чучелом, когда Торвард так близко! Да во Фьялленланде он одним движением брови спровадил бы этого борова в Нифльхель, где ему самое место!

– А вот и я, моя шелковая птичка! – воскликнул Ниамор, искренне радуясь, что может доставить девушке удовольствие видеть себя, несравненного. – Долго ждала меня? Ты видела, как я завалил этого слизняка Ольсига? Против меня никто не устоит! Люби меня, и тебе все женщины будут завидовать! Когда все красавицы Аблах-Брега усядутся на валу и будут спорить, чей возлюбленный более силен и доблестен, ты одержишь победу, потому что я всегда одержу победу над любым другим воином! Будь их хоть сотня сразу! Хоть тысяча сразу! Вот когда я вышел сражаться один против рига Гаэсмара Ойбея, а с ним было три сотни воинов, там, на широкой равнине возле гор Голлевина...

Ниамор не договорил, переводя дух. Его красное лицо блестело от пота, взмокнувшая рубаха прилипла к плечам. Сэла не ответила и отвернулась, надеясь, что он пройдет мимо, но Ниамор грузно плюхнулся возле нее на траву и с размаху обнял ее за плечи. Сэла возмущенно взвизгнула и попыталась вырваться, но он ее не отпустил.

– Ну, хочешь ты быть выше всех женщин Аблах-Брега? – весело продолжал он, пытаясь повернуть ее к себе и прижать к груди, в то время как Сэла отчаянно пыталась вывернуться из-под его толстой горячей руки. – Я же вижу, что хочешь!

– Да пусти ты! – огрызнулась Сэла и попыталась отпихнуть его локтем, но это было все равно что отпихивать каменную скалу, она только ушиблась о бронзовый нагрудник. – С ума, что ли, совсем спятил!

Ничего, что подобало бы сказать дочери конунга, в голову не приходило, а Ниамор только смеялся, и впору было звать на помощь. Но только кто же станет вмешиваться в дела военного вождя? Помочь ей могла только Эрхина, если той вздумается показаться на валу.

– Ну, поцелуй меня, моя кошечка! – Ниамор сегодня был в особенно игривом настроении и не желал замечать, что кошечка шипит от злости и готова кусаться. – Будь поласковее с

Медведем Широкого Леса, и я подарю тебе такие кольца и ожерелья, каких нет ни у кого! Я раздобыл их у эриннов, их носили жены рига Конна Златооружного!

Второй рукой приподняв Сэлу, как ребенка, он посадил ее к себе на колени и попытался поцеловать, но она подставила ему затылок, продолжая трепыхаться и приходя во все большую ярость от своей беспомощности. Сэла была довольно-таки сильной девушкой для своего роста, но с Медведем Широкого Леса не всякий мужчина мог бы справиться.

– Пусти меня, кабан проклятый! – воскликнула она, но смех и дальнейшие излияния Ниамора заглушали ее голос. – Пусти, чучело бронзовое! Пусть тролли тебя целуют! Поди ты к Хель!

– Так не годится, моя красавица! – убеждал он ее. – Ты мне подмигиваешь, улыбаешься, играешь глазками, а как доходит до дела, так шипишь и брыкаешься! Я никогда не отказываюсь от своего слова! И хочу, чтобы со мной тоже поступали честно!

– Да хюльдры тебе подмигивали! – кричала Сэла, в отчаянной надежде хоть сейчас убедить его, что он сильно заблуждался на ее счет. – Глаза б мои тебя не видели, брюхо ты кабанье!

Но Ниамор, похоже, принял все это за проявление задора и игривости. Хохоча, он повалил ее на траву спиной вниз и склонился над ней; Сэла кричала во все горло и отбивалась, но чувствовала только, как горячая, тяжелая, местами бронзовая туша прижимает ее к земле; она пыталась отвернуться и подставить ухо, но его дыхание обжигало ей лицо и жесткая борода царапала щеку.

Потом вдруг кто-то ахнул, кто-то вскрикнул, Ниамор дернулся, захрипел и навалился на нее всей тяжестью; Сэла задохнулась и зажмурилась, чувствуя, что сейчас ее просто раздавят, но тут тело рывком свалилось с нее, и она поспешно села на траве.

И увидела перед собой Торварда-Коля: он стоял на коленях, а к нему как-то странно привалился Ниамор. У Торварда лицо было сосредоточенное, а у Ниамора изумленное, с открытым ртом, будто ему не хватает воздуха. Торвард отстранился и встал на ноги, а Ниамор повалился лицом в примятую траву и остался так лежать. Голова его, с длинными, влажными от пота рыжевато-белокурыми прядями волос, была как-то странно подвернута. Так не бывает... Сэла вскочила, бессознательно-лихорадочно отряхиваясь, глотая воздух и пытаясь сообразить, что тут произошло. Почему Ниамор вдруг так присмирел... что даже не шевелится?

– Он убил его... – шепнула Дер Грейне, и хотя ее шепот почти пропал в шуме ветерка, всем сразу стало ясно, в чем дело.

Сэла не поверила: как это – убил? Так быстро и так тихо не убивают. Она не слышала ни шума борьбы, ни тем более звона оружия – да и не было у Торварда никакого оружия, даже палки... Хотя, как говорят в Аскефьорде, такого палкой не убьешь...

Но все действительно было серьезнее, чем ей казалось. Ниамор не шевелился, а для этого, после столь непочтительного вмешательства в его дела, должна быть очень весомая причина. Самое меньшее смерть.

Несколько туалов, собравшихся на шум, разом бросились к Торварду, но он как-то так развернулся, что мужчины безотчетно застыли в трех шагах: по одной готовности к действию они привычно уловили, что пара-тройка шей здесь будет свернута голыми руками, и стать обладателем одной из этих шей никто не хотел. А бросаться с оружием на безоружного у них, слава асам, не принято.

Рядом закричала какая-то женщина, кто-то еще из воинов кинулся к Ниамору. Все они теперь прекратили упражнения и торопливо взбирались на вал. Бран, в рубашке, мокрой от пота и прилипшей к спине, опустился на колени рядом с отцом и осторожно ощупал его шею.

– Что с ним? – шепнула Сэла.

Ее сердитая досада разом сменилась растерянностью, как будто они, шалая, случайно разбили какую-то дорогую вещь. Еще ничего не понимая, она переместилась к Торварду, неосознанно стремясь быть к нему поближе.

Бран еще раз склонился над Ниамором, прижал пальцы к его шее, потом повернулся к ним.

На его лице отражалось изумление, недоумение, недоверие, пока еще заглушавшие все прочие чувства. Казалось, чужеземный раб нарушил прочно устоявшиеся правила какой-то игры, а прямодушные туалы не могли поверить в подобное кощунство. Но ведь это не игра.

– Э-это он? – еле выговорил Бран.

– Он не виноват! – поспешно встала Сэла, и голос ее звучал хрипло от недавнего крика и волнения. – Это я... Это меня...

Туалы смыкались вокруг плотным кольцом, гудели изумленные и растерянные голоса. Бран вскочил и подался было к Торварду; Сэла вскрикнула, а Торвард мгновенно отодвинул ее, подобрался и приготовился встретить нападение. И Бран застыл на месте: воин в нем бессознательно оценил другого воина, и по нескольким быстрым движениям он понял, что этого раба будет не так-то легко взять, хоть он и безоружен.

– Этот раб принадлежит фрие! – воскликнула Дер Грейне, которая опомнилась раньше других. – Никто не смеет его тронуть! Ведите его в Дом Четырех Копий! Ты, Бран сын Ниамора, не опозоришь себя попыткой отомстить рабу, прежде чем поговоришь с его хозяйкой!

Ее уверенный, властный голос привел туалов в чувство: по закону за совершенное рабом убийство отвечает хозяин раба. И уж он сам решает, будет ли выплачена вира или раб будет выдан для казни. Трудно было увидеть просто раба в том, кто мгновенно лишил жизни самого военного вождя, но закон один на всех, а туалы привыкли к повиновению.

Вспомнив, что он сейчас сам за себя не отвечает, Торвард пошел с вала ко входу в Дом Четырех Копий, и плотно сомкнутое кольцо туалов двигалось с ним. Сэла и Дер Грейне шли рядом, и с каждым мгновением до Сэлы все яснее доходило, что случилось.

– Что теперь будет? Что у вас в таких случаях делают? – беспокойно допрашивала она Дер Грейне, но та не отвечала, да Сэла и не хотела ответа.

Все случившееся казалось ей нелепым и ужасным. Будь проклят Ниамор! Мало того, что он замучил ее своими дурацкими домогательствами, так теперь еще из-за него и Торвард... Который в их глазах – просто раб... За убийство отвечает хозяин раба, но и здесь все зависит от отношения сторон. Рада ли будет Эрхина, что Ниамора больше нет? Ведь в ее власти просто выдать раба семье убитого, чтобы его принесли в жертву на могиле или повесили...

Десятки людей видели, как Ниамор приставал к ней, но это едва ли поможет! Раб остается рабом, а военный вождь – военным вождем, и раб все равно не мог вмешаться, даже если бы тот домогался его родной сестры. Множество туалов, все свободные люди, воины, видели то же самое, но никто не вступился за девушку, не желая связываться с Ниамором. Едва ли Ниамор действительно намеревался обесчестить благородную деву прямо на священных валах Аблах-Брега, среди дня, на глазах у множества народа! Скорее всего, он просто с ней заигрывал. Уж как умел! Вмешайся тогда, скажем, Криодайм Яростный или Дойд сын Дойда – все кончилось бы шумной рукопашной с криком и катанием по траве, но без членовредительства. Ниамор еще сам бы посмеялся. Но все свободные благородные свидетели предпочли глазеть со стороны. Торвард ни в каком обличье не смог бы оставить девушку из Аскефьорда без помощи, а Ниамор никогда не спустил бы рабу такого наглого вмешательства в его дела. Вот и выходит, что Торварду ничего не оставалось, кроме как убить его, чтобы обезопасить себя. Сэла ломала руки, мысленно призывая на помощь всех богов, но не зная, услышат ли здесь, на Туале, боги Морского Пути.

Эрхина, услышав о случившемся, едва могла поверить.

– Этот раб убил Ниамора! Ниамора, военного вождя! Медведя Широкого Леса! – кричали ей со всех сторон.

– Твой раб, фрия, убил моего отца! – негодовал Бран. Он тоже немного опомнился, осознал произошедшее и теперь от ярости был красен, как шиповник. Сэла и не знала, что у него

может быть такое злое лицо. – Мой отец, Ниамор сын Брана, доблестнейший из героев Туаля, пал от руки вероломного раба... Как ты ответишь на это, фрия? Я требую, чтобы ты заплатила виру три кумала золота, как за незаконное и беспричинное убийство, и выдала мне этого негодяя!

– Он не виноват! – твердила Сэла, стоя рядом с Браном и пытаясь его перекричать. – Ниамор сам виноват! Это из-за меня! Он напал на меня! Я звала на помощь, и никто из всех этих медных лбов не помог мне! Только раб! Он спас меня от бесчестья!

Бран, со сверкающими глазами, задышался от возмущения и даже не хотел смотреть в сторону Торварда, который стоял чуть позади. Никто к нему не прикасался, словно его укрывал невидимый щит, но в двух шагах воины стояли плотной стеной. Сэла мельком подумала, что Бран, как видно, еще помнит свою ревность к этому самому рабу, и ненавидела его за это пылкое возмущение, которое, строго говоря, было вполне законно.

А Торвард стоял прямо, спокойно, без признаков страха или смущения. В нем даже заметно было некое пренебрежение ко всем этим славным воинам, лучшего из которых он убил голыми руками. Он стоял, чуть расставив ноги и сложив руки на груди, и в этой спокойной, даже чуть небрежной позе ясно отражалась готовность хоть сейчас повторить – с первым, кто кинется.

– Замолчите! Все! – приказала Эрхина.

Еще ничего не понимая, она взволновалась до глубины души: ее щеки зарумянились, глаза заблестели. Смерть Ниамора была для нее настолько приятной неожиданностью, что она не смела верить, но в то же время в душе ее росло и поднималось мстительное торжество. Ниамор уже давно раздражал Эрхину домогательствами сперва ее самой, потом Дер Грейне, теперь еще Сэлы! Погибший от руки жалкого раба, он получил по заслугам, и Эрхина ликовала, что уничтожение и посрамление давнего врага так дешево ей обошлось.

– Но как это вышло? – с лихорадочным любопытством допрашивала она. Ей хотелось бежать на вал, чтобы своими глазами увидеть мертвое тело. – Рассказывай все по порядку, Бран сын Ниамора. Не беспокойся. Мое решение будет справедливо.

– Я услышал крик, что мой отец убит, – начал Бран, но Эрхина взмахом руки остановила его:

– Так ты пришел слишком поздно! Пусть расскажет кто-нибудь, кто видел с самого начала.

Таких нашлось только двое: Сэла и Дер Грейне.

– Мы сидели на валу и смотрели на упражнения наших доблестных воинов, – заговорила Дер Грейне. Ее отец, Тальмарх, подошел ближе и встал рядом с дочерью, как будто ей могла понадобиться его помощь. – Мы были только вдвоем, я и Сэла, дочь Торбранда конунга из Фьялленланда. К нам подошел Ниамор сын Брана и стал домогаться любви Сэлы. Как подобает девице, обладающей драгоценным даром чистоты, Сэла, дочь Торбранда конунга, не пожелала ответить на его домогательства. Тогда Ниамор сын Брана хотел силой добиться любви, но никто из мужей, бывших вокруг и упражнявшихся в силе и ловкости, не пожелал употребить свой дар подвигов для защиты благородной девы. Если бы ты была там, фрия, ты, несомненно, прекратила бы это бесчинство. Но тебя там не было, и тогда твой раб пришел ей на помощь. Он обхватил голову Ниамора, а тот дернулся, и его шейные позвонки сломались. От этого Ниамор сын Брана умер. Призываю Богиню в свидетели того, что слова мои правдивы.

Дер Грейне говорила хорошо: ясно, спокойно, сурово. Исчезли обычная сдержанность и замкнутость, в каждом ее слове было видно гордое достоинство и уверенность. Она как будто выпрямилась и выросла, за плечами ее встали, как прозрачные крылья, тени Харабаны Старого и его дочери Меддви.

Слушая ее, Сэла постепенно успокаивалась: дикие порывы уступили место разумному и упорядоченному разбирательству. То, как Дер Грейне построила свою речь, как подчеркивала

высокое происхождение и чистоту жертвы домогательств, а также бездействие воинов, несомненно должно было послужить в пользу виновного.

– Значит, вы, доблестные воины, украшение скамей, спокойно смотрели на то, как мужчина хочет обесчестить благородную деву, обладающую даром красоты, даром чистоты, даром рукоделия, даром сладкой речи, даром мудрости, и никто из вас не нашел в себе смелости вступить за нее? – насмешливо и ядовито произнесла Эрхина, окидывая взглядом ряды воинов, выстроившихся вдоль северной стены. Все выглядели суровыми и мрачными, и не нашлось ни одного, кто не опустил бы перед ней глаз: налицо был позор. – Сдается мне, что даром вы тратите время в воинских упражнениях и благородных играх, напрасно слушаете сказания о героях древности, если так мало способны подражать им! Если понадобился жалкий раб, чтобы уберечь деву от бесчестия! Уж не рабы ли охраняют покой и честь племени богини Ванабрид?

Поражение Ниамора сейчас значило больше, чем необходимость обуздывать соперницу, и Эрхина приняла мысли, поданные ей Дер Грейне, даже не замечая, что это мысли чужие. Опершись на резные подлокотники, она подалась вперед; лицо ее дышало гневом и негодованием, и каждый из воинов чувствовал, что своим бездействием оскорбил священные валы Аблах-Брега.

– Раб не смел поднимать руку на военного вождя, на героя, прославленного подвигами! – подал голос Бран. Он смотрел набычившись, впервые в жизни переживая сладкий ужас бунта. Родовая честь перевесила привычное преклонение перед словом фрии. – Это бесчестие для всего острова Туаль, что военного вождя предательски, со спины убил какой-то чужеземный проходимец... Раб, коварно, вероломно...

– Да, это бесчестие, это было бы огромное бесчестие для острова Туаль, если бы его военного вождя, первейшего из героев, убил бы простой раб! – горячо подхватила фрия Эрхина. – Каковы же прочие наши мужчины и воины, если первый из них дает себя убить простому рабу! Позволяет свернуть себе шею, как новорожденный ягненок! Не раз мы слышали, как Ниамор сын Брана в этом самом покое требовал чести делить вепря, перечислял свои подвиги и искусства, твердил, что ни один враг не подкрадется к нему незамеченным! И вот – не в диких лесах, не в каменных скалах, где живут чудовища с одним глазом, не во мраке яростной ночи, а среди ясного дня, на зеленых валах Аблах-Брега к нему открыто подходит враг, а он даже не замечает его!

– Но он не ждал нападения!

– А почему он его не ждал? Настоящий воин всегда, в любое мгновение, при каждом ударе сердца готов отразить нападение, ждет он его или не ждет! В чужой стране или в своей постели! О чем же он думал?

Сэла могла бы сказать, на чем тогда было сосредоточено то, что сам Ниамор в очередном приступе бахвальства мог бы назвать своими мыслями. Но такой ответ не годился для Срединного Покоя и для ушей фрии.

– Нет, не раб виноват в том, что Ниамор лишился жизни! – продолжала Эрхина. – Воля Богини направляла руки раба! Ниамор сын Брана разгневал Богиню своей непочтительностью и получил справедливое наказание. Ради чести всего острова мы не можем допустить иного. И раз уж наш военный вождь был так неугоден Богине, нам остается предать его забвению и выбрать нового.

Воины за спиной Торварда отступили. Он остался стоять, где был. Сэла тоже не трогалась с места, не веря, что все может кончиться так хорошо, и выжидала какого-то подвоха.

Эрхина сделала Торварду знак подойти, и у Сэлы замерло сердце. Чары кюны Хёрдис сильны, но и верховная жрица Богини не то что все прочие люди. А если она сумеет взглянуть сквозь наведенный облик? Раньше она не замечала поддельного слэтта, но теперь сами обстоятельства, будь они неладны, заставляют ее вглядываться в него со всем вниманием. Неужели она не узнает того, кого так пылко обнимала когда-то? А вдруг ей сердце подскажет!

Но, похоже, сердце фрии Эрхины не значилось среди ее советчиков. Торвард приблизился к трону на несколько шагов и остановился. Мельком он заметил на груди Эрхины черный камень, о котором говорила Сэла, но тут же поднял взгляд к ее лицу. Он тоже думал: неужели она его не узнает? Он-то узнавал ее – ту, которой так восхищался, о которой так мечтал... Сердце его дрогнуло: впервые после того далекого дня в саду Богини он видел ее так близко, они вновь стояли друг против друга. Даже помня о нанесенной Аскефьорду обиде, он был поглощен и захвачен ее красотой.

– Как твое имя? – спросила Эрхина.

И Торвард не сразу смог ответить на этот простой вопрос: казалось странным услышать его от той, которая его знала.

– Коль, – коротко ответил он наконец и подивился, что она верит этой грубой лжи.

– Где твое место?

– В кузнице.

– Откуда ты? Я слышу по твоей речи, что ты из сэвейгов.

– Я из Слэттенланда.

– Ты был пленен в военном походе?

– Нет. Меня подарили тебе... госпожа. Я попал в плен на Квиттинге, и оттуда меня прислали сюда.

– Ты был воином?

– Да.

Эрхина смотрела ему в лицо, словно забыв, о чем хотела еще спросить. Выбор Богини был никак не случаен: среди рабов нечасто встретишь такую прямую, крепкую фигуру, у которой вечный страх не ссутулил плечи и не вдавил грудь, такую гордую посадку головы... Такой прямой, открытый, значительный взгляд... Такие ясные, умные карие глаза... Взгляд этих глаз проник в самое сердце: они словно бы намекали на что-то, известное только им двоим... Она мельком вспомнила высокого белобородого старика, который подарил ей этого раба от имени кого-то из мелких квиттингских вождей... Необычный подарок! И как кстати! Если бы она знала, что подаренный раб окажет ей такую услугу, то оплатила бы за него еще щедрее.

– Отвечай! – Опомнившись, Эрхина придала взгляду величавую надменность. – Ты с намерением убил Ниамора?

– Видно, в обычаях Морского Пути и Туаля очень большая разница! – с намеком ответил Торвард. – Тут все что-то говорили про благородную деву... – Он бросил мимолетный взгляд на Сэлу. – А мне сдавалось, что она – рабыня, твоя рабыня, госпожа. Разве нет?

– Да, – ответила Эрхина, вспомнив, что Сэла не только дочь конунга фьяллей, но и пленница, взятая в рабство.

– Ну, а значит, своей чести у нее нет, – продолжал Торвард. – Честь – только у тебя, госпожа, у ее хозяйки. Это на твою честь, госпожа, он покушался у всех на глазах. И ты сама за себя постояла – моими руками. Что же еще мне, твоим рукам, было делать, когда тебя обижали? А за оскорбление Невесты Ванов² я могу убить кого угодно. Только он сам себя убил. Сам сломал себе шею.

И все с изумлением глядели на раба из кузницы, который так спокойно говорил о своем праве лишить жизни военного вождя, ничуть не сомневаясь в своей способности сделать это, словно сила всех богов снизошла в него и должна была снизить, раз уж в ней есть нужда. Воины слушали его сосредоточенно; на некоторых лицах отразилось понимание, на других – сомнение. Простой прием, которым раб с копотью на руках убил прославленного вождя, все они знали. Из такого захвата можно выйти живым, но только расслабившись и сдавшись. А сдаться Ниамор никак не мог. Он, с его упрямым и неукротимым нравом, сделал то единствен-

² Невеста Ванов – одно из прозвищ богини Фрейи.

ное, что от него следовало ждать, – попытался освободиться и действительно сам сместил себе шейные позвонки, да еще таким мощным усилием, что его убийце почти ничего не оставалось делать. Знал ли раб, что Ниамор непременно сделает это самое усилие?

А Эрхина слушала с жадным вниманием, как никогда в жизни не слушала никого, кроме своих наставниц-жриц. В ней боролись недоумение, изумление и даже где-то восхищение. Он все говорил верно, этот некрасивый, черноволосый раб с темными глазами. У рабыни нет прав, у раба нет ответственности; домогательствами к ее рабыне Ниамор оскорбил ее же, фрии, честь, а ее раб дал отпор от ее же имени, потому что своего у него просто нет. В лицах этих двоих она сама и подверглась нападению, и отомстила за себя.

Но только ничего рабского в лице Коля не находилось – ни малейшего признака лени, трусости, вероломства, по которым проницательные люди с одного взгляда отличают рабов от свободных, в какую бы богатую одежду они ни вырядились. Перед Эрхиной стоял человек свободный, и свобода сказывалась в каждом его движении, в звуке голоса, в блеске глаз. От него исходило такое горячее, напористое ощущение силы, что подобное ей встречалось только в одном-единственном человеке...

– А ведь ты совсем не боишься! – промолвила она, словно хотела, чтобы ей разьяснили эту странность.

– А чего мне бояться? – Коль слегка пожал плечами. – Знаешь, госпожа, у нас рассказывают один случай, как отец провожал сына в поход. «Вот вскоре тебе, сын, предстоит идти в битву! – говорил старик. – Как ты станешь вести себя, если тебе предскажут, что в этой битве ты погибнешь?» – «Не жалея себя, я буду рубить мечом обеими руками, чтобы оставить по себе достойную память!» – ответил сын. «А если тебе предскажут, что ты останешься жив?» – «Тогда я, не боясь за себя, буду рубить врага обеими руками, чтобы стяжать славу!» – «Вот видишь! – сказал тогда старик. – Ведь в любой битве с тобой может случиться только одно из двух: либо ты погибнешь, либо останешься жив. Об этом знает судьба, а приговора норн не переменишь, так что не заботься о судьбе, заботься о славе!» Так и я: больше одного раза не умирает никто, а этого одного раза никто не минует, так что я готов встретить свою судьбу. Главное – знать, что не опозоришь своей памяти.

Торвард говорил свободно, уверенно, словно вокруг одни друзья. Глядя на Эрхину, за спиной ее он вдруг увидел еще одну женскую фигуру – знакомую ему, гордую и статную, возвышавшуюся кудрявой черноволосой головой выше столбов трона. Ярко-синие глаза валькирии Регинлейв смотрели прямо на него, а в руках она держала обитый золотом щит, сиявший, как солнце. Никто, кроме Торварда, ее не видел, но он видел и знал: родовой дух-покровитель не покинул его и поддерживает, срок его еще не пришел. Его, потомка конунгов и через них самого Одина-Всеотца, могучий хранитель рода уберезет в тех жизненных битвах, где настоящему рабу пришлось бы плохо! А значит... не заботься о судьбе, заботься о славе.

Эрхина смотрела на него во все глаза и невольно искала в нем те признаки, по которым узнают спустившихся на землю богов. Для раба он говорил уж слишком мудро, справедливо, смело, красноречиво! Как она не замечала его раньше? Некрасивый, черноволосый, темноглазый, он был полон той внутренней силы, которая важнее и привлекательнее красоты. Он был молод, строен, силен, и во всем его облике светилось уверенное, властное, почти подавляющее обаяние, чему не мешала даже отталкивающая чужеземная внешность. И чем дольше она смотрела, тем сильнее ощущала это обаяние. Он как Вёлунд на острове, плененный владыка... Почти как... Но сейчас в ее мыслях уже не всплыло привычное воспоминание о Торварде конунге – новый образ поразил ее и захватил воображение.

– Нет, ты не прав, Бран сын Ниамора... – проговорила Эрхина, но глядела при этом не на Брана, а на того, кто стоял прямо перед ней. – Не вероломно и по-рабски... А как достойный и свободный человек он смог и заступиться за честь... и ответить за свой поступок. А значит, по справедливости он должен быть свободен. Тебе, Бран сын Ниамора, я заплачу треть виры, как

полагается за того, кто сам виноват в случившемся. Покушаться на честь фрии... твой отец мог бы совершить подвиг и получше! А чтобы не позорить памяти нашего военного вождя тем, что он принял смерть от руки раба... – Эрхина помедлила: ей нравилось, что по одному звуку ее голоса люди двигаются и замирают, задерживают дыхание или облегченно вздыхают, – то я именем Богини даю свободу этому рабу! Отныне он будет жить в моем доме как свободный и получать плату за свою работу!

Торвард слегка переменялся в лице. Все-таки звание раба, хоть и «поддельного», не могло его не угнетать. Отныне он свободен в глазах всех этих людей. И свободным его сделала Эрхина, та самая, ради которой он согласился влезть в шкуру раба...

Движением руки Эрхина отпустила его.

Сэла наконец перевела дух и села на ступеньку, провожая глазами спокойно уходящего Торварда.

Бран стоял на прежнем месте, словно не мог решить, что же делать: долг призывал его к немедленной мести, тем более что переход убийцы в разряд свободных людей развязал ему, мстителю, руки, но он не мог послушаться фрии, которая пообещала убийце полную безопасность. Иногда и от привычки к повиновению бывает польза.

В растерянности Бран повернул голову, взгляд его упал на Сэлу. Она хотела подбодрить его, но он вдруг покраснел, лицо его приняло какое-то дикое, замкнутое, отчаянное, почти свирепое выражение. И внезапно она сообразила. Да он же теперь возненавидит ее – ведь из-за нее все случилось!

– Мы устроим Ниамору сыну Брана достойное погребение, – сказала Эрхина. – Такое, какое не опозорит его высокого рода и его неисчислимых подвигов. Я внесу часть расходов, чтобы ты, Бран сын Ниамора, знал, как высоко я ценила доблесть твоего отца. И я даже готова... Если уж твоему отцу так нравилась эта девушка и ради нее ему пришлось расстаться с жизнью, будет только справедливо, если его последней спутницей станет она. Хочешь, я подарю ее твоему отцу?

– Моему отцу? – едва сумел выговорить ошарашенный Бран.

Сэла оцепенела: в глаза ей вдруг глянула ее собственная смерть. Она не болела, однако должна умереть, в ближайшие же дни, не позже погребения Ниамора. В растерянности она оглянулась на дверь, куда ушел Торвард: выходит, он убил и ее заодно с Ниамором, погубил, намереваясь спасти... И неужели Эрхина, такая добрая к ней, может так спокойно...

Может. Сэла оглянулась на фрию, но та показывала на нее своей прекрасной рукой, даже смотрела на нее, и ее прекрасное лицо оставалось таким же спокойным, благосклонным, точно она предлагала гостю угощение. Единое кольцо жизни и смерти, ну да! Вот только движет ею обыкновенная человеческая ревность! К рабыне! К собственной рабыне! А ведь даже длинноногая йомфру Уннфрид не унизилась до мести той рабыне, которая «отбила» у нее Торварда! Но здесь дело другое. Не стоит жить рядом с фрией девушке, к которой были равнодушны и отец, и сын!

Бран молчал, сильно покраснев от напряжения. Сэла смотрела на него в упор, и на лице ее отражался скорее гнев, чем какое-либо иное, более уместное сейчас чувство. «Ну, посмотрим, как ты меня любишь!» – словно говорила она. На уме у нее была роцца, где Бран предлагал ей побег и женитьбу. Чего стоили те слова? Неужели он готов всю вину свалить на нее? Диармайд недоделанный!

Не будучи слабодушной, она и на самом деле сейчас не столько боялась за себя, сколько возмущалась подобным бессердечием.

– Если ты, фрия... хочешь оказать честь... нашему роду... – с трудом, точно его душили, выговорил Бран.

Он задыхался и переводил взгляд с Эрхины на Сэлу, притом на Сэлу ему было словно бы стыдно смотреть. В нем кипели самые противоречивые и мучительные чувства: ему предлагали

наказать рабыню, причину всего случившегося, а заодно отчасти восстановить честь отца. Но эта рабыня смотрела на него как на последнего негодяя и предателя и даже в смертельной опасности не давала забыть, что она – дочь конунга и воительница. Ни единого проблеска страха не было на этом белом личике – только презрение к ним, распорядившимся ее жизнью и смертью.

– Ведь это было бы справедливо, не так ли? – заметила Эрхина, улыбнувшись ему.

И взгляд ее, устремленный на Брана, был таким же пристальным и испытующим, как у Сэлы. Она тоже ждала его выбора, наслаждалась его колебанием, упивалась своей властью над этими двумя. Мысли о Торварде конунге отступили, и сейчас его сестра ничем не выделялась среди других рабынь.

– Если ты... почему бы тебе не подарить эту рабыню мне? – выговорил Бран так тихо, что они обе едва сумели расслышать эти слова.

– Нет, я хочу подарить ее твоему отцу, – спокойно и непринужденно ответила Эрхина. От ревности к мертвому она великодушно отказывалась.

– Благодарю тебя, фрия! – задыхаясь, выговорил Бран. – Но мой отец был прославлен подвигами и богатой добычей... у него есть другие рабыни, чтобы сопровождать его на Остров Блаженных!

Две такие потери сразу он бы не вынес. Он винил Сэлу и ненавидел ее, он ревновал и жаждал ее, и именно сейчас его чувство к ней кипело на высшей точке, но он сам не мог бы ответить, любовь это чувство или ненависть. Перед ним была дева Иного Мира, своим приходом непоправимо меняющая жизнь смертного.

Все на свете не такое, какое есть, а такое, каким кажется.

Эрхина откинулась на спинку трона, улынулась, ничего не сказав, но едва ли она была так довольна, как изображала. Сэла глянула на Брана уже поспокойнее, словно бы примириительно: ну, ладно, ты не так опозорился, как мог бы! Но Бран сейчас не смотрел на нее и не знал, что его простила та, чью жизнь он отказался отнять.

Через три дня Ниамору справили пышное погребение и возвели курган с каменным покоем внутри на краю Поля Героев. Сэла предпочла бы не участвовать в погребальных торжествах, но Эрхина не видела причин изменять обычный состав своей свиты. И Сэле пришлось наблюдать, как в курган Ниамора уводят другую – ее ровесницу, по-видимому уладку, – и сколько угодно воображать себя на ее месте. Обильно текла кровь жертвенных быков, пиво лилось в кубки и чаши, плакальщицы в разорванных одеждах бродили, спотыкаясь, вокруг кургана, время от времени совершая длинные дикие прыжки, точно и сами старались преодолеть грань мира живых и мира мертвых. Бресайнех, старшая из жриц, состоявшая с Ниамором в дальнем родстве, исполняла над раскрытым курганом песнь под названием «коронах», то есть погребальный плач.

– Взор мой исполнен слез! – так начала она, в развевающемся белом одеянии стоя над курганом, где внутри уже лежал Ниамор в шелковых одеждах и в золоченом воинском уборе, в окружении даров. – Велика эта тяжесть, что нашла меня и в жилах моих не оставила бодрости. В разверстой пасти земли Ниамор сын Брана, кто не скупился на золото, кто был певучей песней в устах бардов Туаля и Эриу! О Ниамор сын Брана, герой деятельной отваги, чести и справедливости, щедрости без изыяна! В могильный курган положили мужа, что привык пировать и наделять дарами! Много мужчин скорбит, и много женщин бьет свои руки в день твоих похорон! Скорбь моя, смерть ограбила нас!

И целый хор тягучих воплей отвечал ей. Наблюдая выразительное отчаяние туал, Сэла испытывала смущение и стыд, как будто сама и была той «смертью», что «огробила» остров Туаль. Нарядившись для похорон в лучшие одежды, туалы пылко и вдохновенно скорбели, и многие, особенно женщины в годах, рыдали и царапали себе щеки. Как видно, в прошлом Ниа-

мор и впрямь был первым героем и первым красавцем, истинным украшением Дома Четырех Копий. И пышная погребальная песнь здесь не просто жертва, без которой душа погибшего не найдет дороги на Остров Блаженных, но нечто большее. С его именем было связано так много в чьей-то давно ушедшей молодости! Глядя на это, Сэла вдруг с ужасом подумала, что через тридцать лет и она вот так же будет плакать над курганом состарившегося Торварда, прощаясь со славой своей молодости, со своим восторгом и обожанием, с сильным биением сердца и быстрым током крови в жилах, и самые простые вещи издалека будут казаться божественными подвигами...

Старики ворчат, что во времена их молодости все было лучше. А на самом деле, как сказал ей однажды Стуре-Одд, в прежние времена все было не лучше, просто сами старики были молодыми и оттого-то им было хорошо!

– Плачут женщины Аблах-Брега, горестна причина их плача! – полуприкрыв глаза, провозглашала над могилой Бресайнех. Сэла вглядывалась в ее высохшее, с резкими морщинами лицо и ясно осознавала, что и сама когда-то состарится и морщины на ее лице точно так же будут нерушимыми печатями, укрывающими от новых молодых тайны ее памяти и сердца. – Ибо их горестные вздохи вызваны Ниамором острых оружий, сыном Брана! Крепче, чем ворота, был его щит; длинна, как меч, была его рука; широк, как доска корабля, был его клинок; выше, чем дерево, было его копьё; слаще, чем струнный лад, был его голос! Красив был вождь, которого чтит люди; красивы щеки, что соперничали с цветами шиповника в ало-сти, красивы уста, что не прекословили зову дружбы и не уклонялись целовать красавиц!

Эти похвалы павшему уже Сэлу заставили «соперничать с цветами шиповника в ало-сти». «Ну, это вы уже хватили! – мрачно думала она, никак не в силах совместить эти восхваления красоте с образом краснолицего, пышущего жаром Ниамора с потными руками, который ей запомнился. – Не уклонялся целовать красавиц! Как говорится, на том и погорел!»

К этому времени в ее душе не оставалось уже никакого враждебного чувства к Ниамору и глупая его смерть казалась слишком жестоким наказанием за самовлюбленность и бахвальство, кои еще не самые тяжкие преступления на свете. «В конце концов, он был не виноват, что он такой дурак!» – угрюмо думала Сэла, устав следить за витиеватыми переходами длиннющей погребальной песни. Эти пышные прославления не вязались с нелепым смыслом произошедшего, а нелепость – со страшным итогом. Мужчинам свойственно воображать о себе невесть что, это всем известно. Еще прошлым летом за ней взялся ухаживать Торир из Торирова Ельника (имя Торир у них было наследственным) – довольно красивый, кудрявый, но неумный, не в меру болтливый и ненадежный парень. Он почти не закрывал рта, но его болтовня состояла в основном из повествований вроде: «Вот поплыли однажды мы с ребятами охотиться на тюленей...» Сэла с ним скучала, тем более что в любом из его повествований неизменно присутствовал бочонок пива, а главным приключением было «мы так нахрюкались...». Какое-то время она терпела то, что он считал ухаживанием, только по неопытности и по неумению вежливо отделаться. Потом он полез обниматься и никак не желал поверить, что Сэла сопротивляется не от застенчивости, а потому что ей решительно не нравится, когда ей пытаются обслонявить все лицо! В конце концов он отстал от нее и занялся Глиммой из Рыжего Обрыва, дочкой Аслака бонда. У той был нос как еловая шишка, зато она была падка на мужчин и не очень прислушивалась, что они там себе болтают. Или, в другой раз, у Эрнольва ярла зимовал брат его жены из Северной трети, а у него в дружине состоял молодой хирдман, Ульв Чернобровый. Поскольку Сэла часто бывала в Пологом Холме, Ульв, большой охотник до девушек, быстро ее приметил и принялся обхаживать, но он-то не терял времени на разговоры. Он и не скрывал, чего от нее хочет, и был убежден, что и она хочет того же. Наткнувшись на сопротивление, он заговорил, что и жениться согласен, но Сэла только фыркнула. Может быть, иные дурочки и готовы на все ради самого слова «замуж», но она-то хорошо понимала: если я не хочу иметь с ним дело даже один раз, то глупо с его стороны рассчитывать, что я захочу иметь

то же самое всю жизнь. Даже, допустим, если я так глупа, чтобы ему поверить... А еще утверждают, что это женщины не умеют связно мыслить! Короче, очень быстро Ульв убедился, что Сэла не дуручка, а поскольку и сам был парнем неглупым, сразу оставил ее в покое. И никто не умер, все остались живы и здоровы. А теперь обычное, довольно-таки пошлое дело вдруг привело к погребению и песням над «славным курганом».

– После того как умер достойный, мы сожалеем, что остаемся в живых...³

И с тем остров Туаль похоронил своего прежнего военного вождя. Кто станет новым, пока не было ясно. На свежем кургане начался поминальный пир: пели сказания о доблестной гибели героев прошлого, нынешние герои состязались в воинском искусстве, фрия Эрхина щедрой рукой раздавала награды.

Туалы упивались своей скорбью, но Сэла еще много дней чувствовала себя неудобно. Особенно помня о том, что сама чуть было не оказалась под тем же курганом.

Застывшее лицо Брана тоже ей не нравилось. Он старался на нее не глядеть, но иной раз его взгляд будто бы против воли на нее падал, и тогда в нем, как искра под пеплом, вспыхивал странный, мучительный огонь. Похоже, он всерьез решил, что всю оставшуюся жизнь обязан ее ненавидеть, и первый от этого мучился. И это, как еще одно нелепое следствие нелепых домогательств Ниамора, причиняло Сэле большую досаду. Теперь, когда признания в любви бесповоротно закончились, ей стало казаться, что все было не так уж плохо. В конце концов, Бран не из последних парней на Туале. И уж конечно, не в пример лучше родителя! Внезапно освободившись от черной тучи Ниаморовой славы, всю жизнь его заслонявшей, Бран вдруг как-то ожесточился и решительно полез вверх, с гораздо большим упорством добиваясь лучшего места за столом.

Но фрия Эрхина, похоже, теперь уже думала не о Бране.

– А ты раньше знала этого, как его, Коля? Ну, того бывшего раба? – как-то спросила она Сэлу. – Не может быть, чтобы он кинулся выручать незнакомую женщину.

– Я видела его два раза, – ответила Сэла. Поскольку обе их здешние беседы проходили на глазах у множества народа, скрывать их было бессмысленно и даже неосторожно.

– Когда же ты успела? – Эрхина спрашивала небрежно, но настойчиво, и видно было, что виновник происшествия вызвал в ней нешуточное любопытство.

– Один раз у меня сломалась застежка, я отдала ее в мастерскую чинить, и он принес мне ее обратно. А второй раз на Празднике Птиц. Он сам ко мне подошел.

– И о чем же вы говорили?

– О тебе, фрия, – честно ответила Сэла, но дальше пришлось задействовать воображение. – Спрашивал, кто я такая, как попала к тебе, близко ли я к тебе нахожусь, что делаю при тебе... Говорил, что я очень счастливая, что вижу фрию каждый день и сижу возле ее ног...

– Ну, наверное, он видел меня мельком и тоже влюбился! – Эрхина рассмеялась. Любовь раба казалась ей смешна, но вовсе не неприятна. – Он этого не говорил?

– Это было бы с его стороны непростительной дерзостью! – не без язвительности ответила Сэла.

– А он тебе не говорил, какого он рода?

– Нет.

– Не может быть, чтобы он родился рабом. Маормор Тальмарх говорил, что он, видимо, умеет драться как настоящий воин. Говорил, что свернуть шею не кому-нибудь, а Ниамору, мог только человек, обладающий настоящей силой и выучкой. Ниамор ведь не цыпленок! А кузнецы говорят, что он часто боролся с другими рабами для забавы и всегда всех одолевал, но никого ни разу не покалечил. Для этого тоже нужно большое умение.

³ Выражения погребального плача похищены из «Шотландской старины», перевод С. Шебалова.

«А ты, однако, потрудились, чтобы все это выведать!» – отметила про себя Сэла, а вслух пылко воскликнула:

– Какого бы рода он ни был! Я не желаю его видеть, никогда!

– Вот как? – Эрхина оживилась и даже как будто обрадовалась. – Почему же?

– Потому что... потому что... – словно спохватившись, Сэла тянула с ответом и жалела, что не умеет краснеть по необходимости. – Потому что теперь... Потому что из-за него Бран сын Ниамора будет всю жизнь считать меня своим врагом!

– Ах, Бран! – Лицо Эрхины немного изменилось. – Нельзя сказать, чтобы он тебя возненавидел. Я ведь предлагала ему... Словом, он же не захотел...

О чудо! Фрия Эрхина впервые в жизни смутилась, поглядев в глаза несостоявшейся жертве. Глядя на нее в упор, Сэла ждала, как фрия закончит, но та – второе чудо – отвела глаза под взглядом собственной рабыни.

– Возможно, он не посчитал меня достойной! – окончила вместо нее Сэла, и нечаянно ответ ее прозвучал скорее издевательски, чем печально.

– Возможно! – Эрхина наконец справилась и приняла насмешливый вид. – Но теперь, конечно, едва ли ему еще придет в голову...

«Вообразить себя влюбленным в рабыню», – слышалось в ее умолчании. Как видно, Эрхина замечала за ней и Браном больше, чем говорила.

Сама Сэла, таким образом, получила дозволение остаться в живых, но за Торварда она не была спокойна. А вдруг найдется какой-нибудь мститель за Ниамора и тайком сведет счеты с убийцей где-нибудь на заднем дворе? Каждый раз, когда в Доме Четырех Копий раздавались громкие голоса, она холодела, ожидая известия, что «тот убийца лежит с перерезанным горлом». Однако каждый раз, когда о нем заходила речь, она принимала враждебный вид. Это и помогло: дней через пять Эрхина распорядилась перевести бывшего раба из кузницы в дом. Теперь в его обязанности входило носить дрова на очаги, поддерживать огонь и выгребать старую золу, и из-за близости к фрии такая работа считалась гораздо более почетной. Бран, вынужденный теперь каждый день его видеть, мрачнел еще сильнее, а Эрхине доставляло удовольствие смотреть, как он мучается, разрываясь между любовью к ней и памятью об отце, которого здесь так легко забыли. Ни единым словом она пока Торварда не удостоивала, но ее мнимо рассеянный взгляд нередко следил за ним, когда он появлялся у очага.

Так прошло больше чем полмесяца. Однажды утром, когда Сэла сидела на ступеньке трона и лениво ковыряла иголкой какую-то вышивку (ее учили искусству вышивать, которым славились женщины Туаля, Эриу и Зеленых островов, но Сэла, равнодушная к рукоделию, оказалась неспособной ученицей), как вдруг из спального покоя вышла Эрхина в сопровождении нескольких женщин и мимоходом поманила ее:

– Пойдем посидим на валу! В такой отличный день глупо томиться в душном доме!

Сэла послушно встала, сложила вышивку и пошла за фрией. На валу расстелили пышные цветные ковры, фрия Эрхина уселась, вокруг нее разместились женщины. Певец с арфой на коленях устроился чуть поодаль и запел сладкую песню о Стране Женщин, где довелось однажды побывать древнему герою по имени Бран:

Радость для взоров, обитель славы —
Равнина, где сонм героев предается играм.
Ладья равняется в беге с колесницей
На южной равнине, на Серебристой Поляне.
Стоит остров на ногах из белой бронзы,
Блестающих до конца времен.
Милая страна, во веки веков
Усыпанная множеством цветов.

Сияет прелесть всех красок
На равнине нежных голосов.
Познана радость среди музыки
На южной, туманной Серебристой Поляне...⁴

Яркие ковры на зеленой траве, усыпанной цветами, прекрасные, нарядные женщины, блистающие драгоценными украшениями, а среди них сама фрия Эрхина, в голубом наряде, под цвет светлого весеннего неба, с золотыми ожерельями и браслетами, с длинными жемчужными нитями в пышных золотисто-рыжеватых волосах, чуть розоватых, словно на них упал отблеск зари, прекрасная музыка и голос певца – все это было точь-в-точь как в песне. Воины оставили свои упражнения и стояли кучками с оружием в опущенных руках, не сводя глаз с повелительницы, солнца этого мира.

Я – Богиня, души бесконечный восторг,
Я есть радость земли, и любовь – мой закон... —

вспоминалось Сэле. Сегодняшний день не был священным праздником, но благодаря музыке прекрасный Иной Мир встретился с земным и грань между ними стала так тонка и незаметна, что казались возможными любые чудеса.

Эрхина сияла, наслаждаясь всеобщим восхищением, и от этого весь облик ее излучал настоящий свет. Даже челядинцы, у кого выдалась передышка в работе, в почтительном восхищении смотрели на нее от подножия вала.

О многовидная морская Эмайн,
И близкая и далекая,
С тысячами женщин в пестрых одеждах,
Окаймленная светлым морем!

Из вечно тихого, влажного воздуха
Капли серебра падают на землю.
Белая скала у морской гряды
Получает свой дар от солнца.

Слушать музыку ночью,
Гулять в Стране Многоцветной,
В стране цветистой, – о, венец красоты! —
Где мерцает белое облако!

Во Фьялленланде не складывали песен о том, чего никто не видел. О цветущих лугах и пышных деревьях, о лошадях с красной и голубой шкурой, о серебряной пене морской, о светлом море и розовом тумане – о таких вещах не пели фьялли, которые в каждой песне главным достоинством считали правду. Но что такое правда? Правда лишь о том, что любой может увидеть и потрогать руками, – далеко не полная правда о жизни. Жизнь гораздо шире и глубже, и верить только в то, что можно пощупать, – значит обкрадывать самого себя. Считать свой образ жизни единственным настоящим – значит быть духовным слепцом, вот и все. У каждого есть свой Темный Лес и свой Остров Блаженных. И только чурбан неотесанный будет требовать, чтобы «настоящая» песня снова и снова рассказывала ему про него же самого, ненаглядного!

⁴ Здесь и ниже фрагменты из «Плаванья Брана, сына Фебала», перевод А. А. Смирнова.

Сидя на траве, обняв колени и слушая, Сэла как наяву видела перед собой страну Эмайн, иначе называемую Страной Вечного Лета, в которую каждая душа отправляется после смерти тела, чтобы осмыслить приобретенный опыт и набраться сил перед новым рождением. Понятно, почему туалы не боятся смерти. Их богами им обещано посмертное существование: прекрасный, вечно теплый и солнечный, покрытый цветами, овеянный сладкими песнями остров. И туалы – счастливейший народ, потому что их существование не разделено на две половины, не разорвано черной пропастью смерти, не отравлено ужасом. Есть ли более счастливое племя, чем избавленное от страха?

На глаза Сэле попался Торвард, пролезший в первые ряды; встретив ее взгляд, он слегка подмигнул, и она быстро отвернулась, пока никто не заметил.

Пусть усердно гребет Бран —
Недалеко до Страны Женщин.
Эмайн многоцветной, гостеприимной
Ты достигнешь до заката солнца.

Бард еще не добрался до возвращения Брана и его спутников домой, как вдруг в сладкозвучное пение ворвался резкий крик боевого рога. Вздрыгнув, все на валу и вокруг завертели головами, кто-то от неожиданности вскрикнул. А из-за нижнего вала волной посыпали какие-то люди, кричащие и размахивающие оружием. Солнце светило по-прежнему ярко, и доспехи на них так остро сверкали красноватой медью, что было больно смотреть.

Первыми опомнились воины и, подняв оружие, с криком бросились навстречу нападавшим. Женщины не успели и сообразить, что происходит, как нижняя площадка и склоны валов у них под ногами оказались заняты сплошным кипением схватки.

Вытаращенными глазами Сэла смотрела вниз: на нападавших сверкали нагрудники из красноватой меди, такие же шлемы, а лицо каждого закрывала кожаная маска с медными накладками, изображавшая морду медведя, с прорезями для глаз.

– Эринны, эринны! – суматошно кричали вокруг. – Спасайтесь, это эринны!

Сэла была уже наслышана о том, что между туалами и жителями большого острова Эриу кипит вечная вражда: хотя туалы считались непобедимыми при свете дня, чародеи эриннов умели накладывать заклятия, которые делали и эриннов тоже непобедимыми, правда, на короткий срок, и потому схватки между двумя племенами выдавались весьма кровавыми. Недаром Ниамор больше всего любил хвастать своими победами над эриннами.

– Риг Ойбелльлид! Вон он, вон он! – кричали вокруг, и Сэла видела в самой середине схватки рослого мужчину в таком же, как у всех, нагруднике и в маске, но только шлем у него был выше, чем у прочих, и украшен парой позолоченных оленьих рогов.

Все это казалось дурным сном: враги в Аблах-Бреге, в самом его сердце, среди бела дня! Не с неба же они упали! Их внезапное появление казалось невероятным, но Сэла помнила о том «колдовском облаке», под прикрытием которого Ниамор со своим войском пробрался незамеченным в самое сердце Фьялленланда.

В первые мгновения растерявшись, она опомнилась и бросилась к Эрхине.

– Спасайте фрию! Скорее в дом! – вопили вокруг женские и мужские голоса. – Женщин в дом! Прикройте их!

Женщины бежали с вала во двор Дома Четырех Копий, но фрия Эрхина никуда не бежала, а только поднялась и стояла на ковре, увлеченно наблюдая за схваткой. На лице ее горело воодушевление без малейших признаков страха, точно она, как сама Богиня, была неуязвима и недостижима для смертных.

– Вперед, воины острова Туаль! – громко кричала она. – Вперед, племя Невесты Ванов! Богиня Бат даст нам победу! Смелее!

С горящими глазами, с полыхающим на щеках румянцем, она казалась прекрасной как никогда, и широкие голубые рукава на поднятых руках, как крылья, сливали ее фигуру с небом. Сэла знала, что ей нужно бежать, но не могла сдвинуться с места, зачарованная этим зрелищем.

Мужчины тем временем стремились вперед, на врага. Эриннов насчитывалось не так уж и много, около полусотни, но и трупов поблизости оказалось не больше. Бран бился с королем Ойбелльлидом, и Сэла, несмотря на испуг и смятение, не могла оторвать от них глаз. На яркой зеленой траве уже здесь и там лежали тела убитых и раненых, на блестящих доспехах застывала ярко-красная кровь, и этот тревожный цвет резал глаза. Над площадкой висели крики, стоны, звучали боевые рога, и у Сэлы уже раскалывалась голова, но она не трогалась с места, видя, что Эрхина по-прежнему стоит все там же и громким голосом воодушевляет своих бойцов.

Вдруг кто-то сильно дернул Сэлу за руку: обернувшись, она увидела Торварда.

– Беги, что стоишь! – крикнул он, но она едва слышала его за шумом битвы.

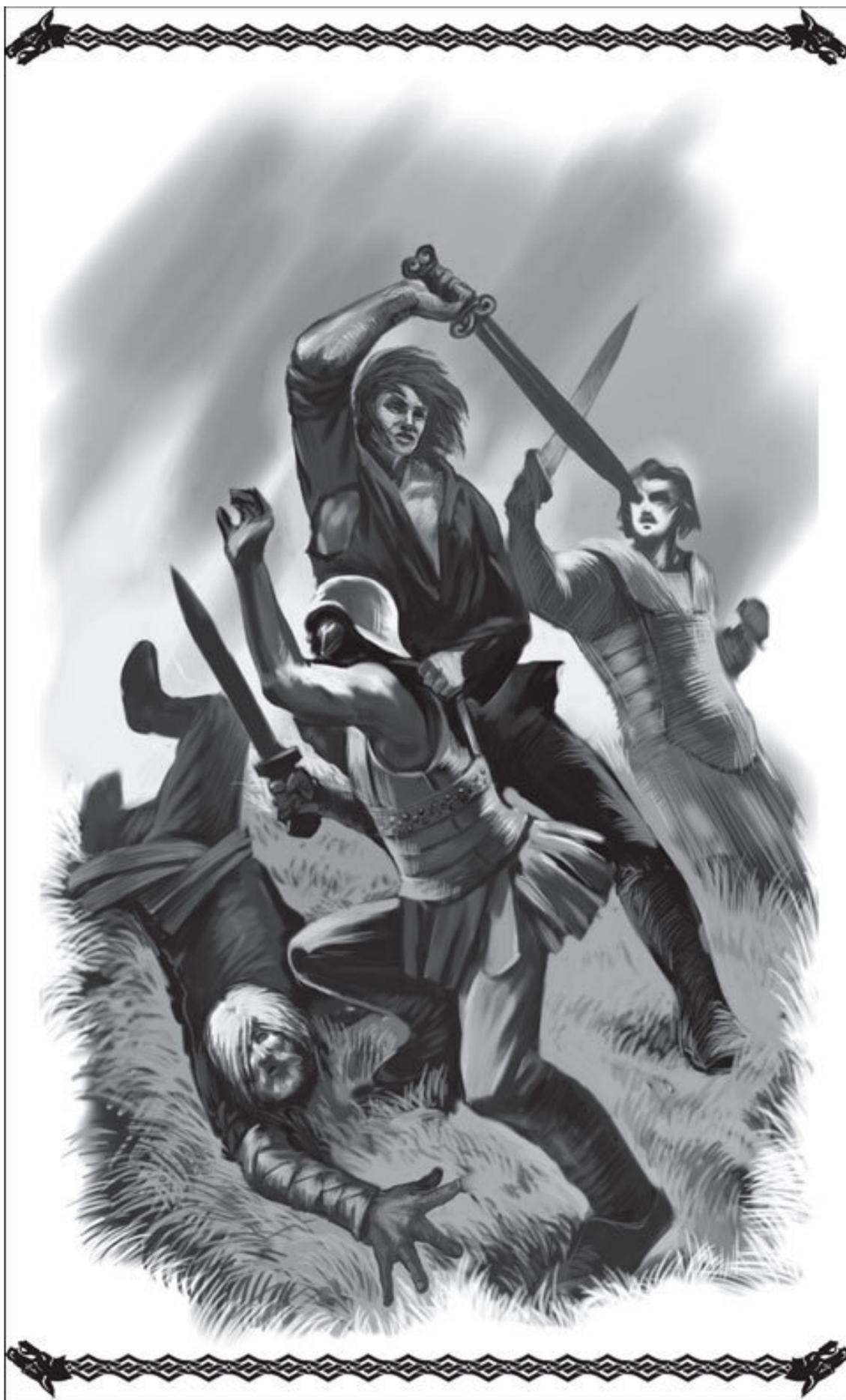
– Светлый Луг! – проревел кто-то совсем рядом, и возле них как из-под земли выросло трое или четверо эриннов с оружием наготове.

Вот тут Сэла осознала, что все это может плохо кончиться. Вскрикнув, она обернулась к Эрхине и хотела бежать к ней, но споткнулась о какую-то толстую палку и чуть не упала. Чьи-то сильные, горячие, потные руки вцепились в ее плечи; она закричала во весь голос и попыталась вывернуться, но тут державший ее содрогнулся, раздался гулкий удар, и Сэлу отпустили. Она увидела, как Фуиль дерется с двумя эриннами; на ее глазах эринн ударил его мечом по шее, хлынула кровь, и туалет рухнул на траву. Но тут же Торвард подхватил его меч и бросился на эриннов. Собственная быстрота и подвижность защищала его и давала преимущества перед противниками, обремененными доспехами и щитами.

Торвард бился один с тремя, и Сэла с замершим сердцем, сжав руки перед грудью, следила за его ловкими и сильными движениями. Работа в кузнице и потасовки с рабами позволили ему не застаиваться, а теперь, когда ему в руки попал меч, он смог показать, на что способен. Он успевал заметить каждое их движение, а трое нападавших только мешали друг другу. Их клинки то и дело сталкивались между собой или скользили по доспехам, потому что Торвард чудом исчезал из-под удара. Он был похож на дух – неуязвимый, но успевающий достать всех троих одновременно. Сэла впервые видела подобное, и изумление, смешанное с восторгом, заставило ее вновь забыть об опасности.

Вот один из эриннов упал с залитым кровью лицом, второй был оглушен ударом по переносице и тоже рухнул в траву, а третий покатился вниз по склону вала, сбивая с ног тех, кто внизу.

Перед Торвардом выросли еще трое, и он с тем же яростным воодушевлением бросился на них, но они вдруг расступились и подняли щиты над головами в знак мира.

Торвард застыл: тут было что-то нечисто. И вдруг оказалось, что схватка на площадке и на склонах валов прекратилась, что туалы и эринны стоят плечом к плечу и почему-то смеются. Смеются и раненые на траве, и... убитые, залитые кровью, приподнимаются на локтях, садятся и тоже хохочут, хохочут...

У Сэлы зашевелились волосы надо лбом, голова мягко ехала по кругу, смех звоном отдавался в ушах: это уже было ни на что не похоже. Голову, что ли, ей напекло на этом весеннем солнце? Или ее незаметно убили и она уже попала в Страну Вечного Лета, «где избыли дряхлость и смерть»?

Сквозь раздавшиеся ряды прошел риг Ойбелльлид, на ходу снимая шлем и маску. И Сэла увидела хорошо знакомое лицо Тальмарха, отца Дер Грейне.

С дрожью в коленках, ощущая внутри гулкую пустоту, она обернулась к Эрхине. А та уже шла по траве туда, где стоял Торвард с опущенным мечом и куда поднимался Тальмарх со своими «эриннами». Эрхина тоже смеялась, и вид у нее был такой довольный, как будто она нашла клад.

– Ну, теперь-то ты можешь больше не притворяться! – весело сказала она Торварду. – Ты сам себя выдал, и больше незачем осквернять уста благородного воина ложью.

Торвард изменился в лице, и Сэлу пронзила холодная молния: их обман раскрыт! Эрхина знает... давно знает, что рядом с ней все это время находился Торвард конунг!

Ноги ослабели, в животе гудела холодная пропасть, но Сэла справилась со слабостью и сделала пару неуверенных шагов поближе.

– В миг опасности перед тобой открылись два пути: бежать или принять бой, – с торжеством продолжала Эрхина, встав перед Торвардом. – Ты выбрал путь битвы, путь благородного человека. Подле тебя лежали на выбор две вещи: меч, оружие воина, и палка, оружие раба. Ты выбрал меч и доказал, что умеешь с ним обращаться, как положено воину. Ты не осквернил благородную сталь. Верно, Фуиль сын Ллата, он не опозорил твоего меча?

– Ты верно говоришь, фрия! – сказал подошедший вслед за ней Фуиль, тот самый, что якобы погиб и тем предоставил Торварду свое «осиротевшее» оружие. – Я готов подарить ему этот меч, раз уж он доказал, что умеет с ним обращаться! Правда, он сейчас малость туповат, но это дело поправимое!

– Я хочу услышать, кто ты по рождению и что привело тебя на наш остров! – заявила Эрхина. – Мы готовы выслушать твою повесть.

От облегчения Сэла чуть не села на землю. Их тайна осталась при них. Эрхина не знает, что это – Торвард конунг. Она по-прежнему видит облик Коля. Но, не будучи совсем душой, она заподозрила, что настоящую правду о себе этот человек скрывает, и подстроила это нападение, чтобы посмотреть, как Коль себя поведет. Ну, и выведала, что перед ней – человек благородного происхождения. Если это все, то пока ничего страшного... Все ли?

Уже принесли и постелили ковер, и женщины вернулись, пересмеиваясь и споря, чей возлюбленный показал себя лучшим в этой поддельной схватке. Воины вытаскивали из-под доспехов и бросали пузыри, наполненные куриной кровью с морской водой, чтобы не сворачивалась. Пучками травы они стирали с лиц и доспехов красную жидкость и рассаживались на гребне и склонах вала. Все были веселы, как после отличной игры, и теперь собирались отдохнуть и занимательным рассказом вознаградить себя за проявленную доблесть. Из Дома Четырех Копий уже тащили большие бочонки пива и множество ковшей и чаш, чтобы благородные воины могли освежиться после схватки.

– Только не рассказывай нам, что ты попал в плен на Квиттинге и был продан в рабство! – говорила фрия Эрхина Торварду, который, хотя и подошел к указанному месту возле ее ног, не сел и молчал. Он еще не остыл и дышал от возбуждения битвы чаще обычного и тоже, видимо, пытался угадать, что из его тайн раскрыто, а что еще нет. – С такой выучкой тебя нелегко было взять в плен, и, уж верно, ты сто раз нашел бы случай вернуть себе свободу.

Ты умеешь одерживать победы и с оружием, и без оружия, а значит, сделаться пленником и рабом ты мог только по доброй воле. Расскажи же нам, какая неодолимая страсть сковала тебя цепями ложного рабства?

Торвард молчал: всю жизнь он пользовался завидным правом говорить только правду. Колев шрам на лбу мог бы объяснить, как он стал рабом, но Эрхина теперь знала, что оставаться рабом он мог только по какой-то особой причине. Какой? Его побратим Роллауг Защи-тый Рот справился бы с такой задачей шутя, но Торвард не отличался быстрым и буйным вооб-ражением.

И тут Сэлу осенило. Помня, что он дважды готов был отдать жизнь за ее спасение, она теперь стремилась защитить его – так, как ей по силам. Слова Эрхины о неодолимой страсти навели ее на нужную мысль.

– Ему трудно произнести слова признания, и все поймут, почему это вышло, если узнают то, что знаю я! – храбро сказала она и даже поднялась с краешка ковра, на который перед этим в растерянности опустилась. – Я сделаю это за него, потому что не годится так долго томить благородных людей. Знайте же, что по рождению Коль не уступает знатностью никому здесь и что рожден он свободным человеком, исполненным благородства и доблести.

– Не уступает никому здесь? – с живостью подхватила Эрхина. Себя она, конечно, не считала. – И тебе? Он – из рода конунгов?

– Да! – с решимостью отчаяния заявила Сэла. – Он – побочный сын конунга слэттов!

По валу пролетел общий вскрик, но удовольствия в нем было больше, чем изумления. Туалы и ждали чего-то в этом роде. Сам Торвард глянул на нее широко открытыми глазами, но гром не грянул, небеса не разверзлись, и Сэла уверенно продолжала:

– Поскольку он приходится конунгу слэттов побочным сыном, а у того есть двое законных сыновей, Коль знал, что едва ли ему выпадет в будущем случай приехать на остров Туаль с должным почетом, чтобы встретиться с прекрасной невестой-богиней. И тогда он, движимый неодолимым желанием увидеть тебя, фрия, явился сюда под видом раба, подаренного тебе, чтобы неотлучно находиться в твоём доме и служить тебе. И если его замысел покажется тебе слишком дерзок, то ты все же простишь его, потому что невозможно смертному противиться духу Богини, который есть любовь и восторг.

Сэла говорила гладко и вдохновенно, словно на двух лошадиных косточках во весь дух неслась по гладкому свежему льду. Правда, и рухнуть в воду она тоже могла каждое мгновение, но тут ей сыграло на руку равнодушие туаллов ко всему, что происходило за пределами земель Богини. Здесь хорошо знали родословные конунгов Морского Пути, поскольку каждый новый конунг перечислял своих предков, но в промежутке между сменами конунгов пребывали в неведении об их семьях и детях. Хеймир, конунг слэттов, правил в Эльвенэсе уже более двадцати лет, и все эти двадцать лет о нем здесь ничего не знали. Он мог иметь десять сыновей или ни одного – разоблачить ложь Сэлы было некому. Из осторожности она все же сделала Коля побочным сыном Хеймира, а о побочных зачастую и в родном их племени не знают, но эта предосторожность оказалась даже лишней. На лицах слушателей было написано неподдельное удовольствие: их наилучшие ожидания оправдались, и они как будто слушали знакомую песнь о любви и доблести.

– Ну, что ж, я рада приветствовать в Аблах-Бреге того, кто повинуется воле Богини! – Эрхина рассмеялась, и лицо ее сияло как солнце. – И чем больше превратностей перенес ты по пути к цели, тем обильнее будет твоя награда! Отныне тебя будет здесь окружать должный почет, при условии, что ты будешь служить мне... один год и один день!⁵

⁵ Один год и один день в кельтской мифологии символизируют вечность, поэтому расторгнуть соглашение, заключенное на такой срок, невозможно.

– Один год, фрия, – негромко, но непреклонно поправил Торвард, намекая, что понял смысл ее условия. Даже под чужим обликом он не мог давать неисполнимых обещаний. – У меня ведь есть и своя земля.

– Но все же хотелось бы знать... – произнес Бран. Он один не выглядел довольным и вид имел замкнуто-враждебный. Соглашаясь участвовать в поддельной битве, он в душе надеялся, что исход «разоблачения» будет совсем иным. Даже рабом Коль уже принес ему немало бед, а его превращение в сына слэттенландского конунга только ухудшило дело. – Не так-то легко поверить в такие чудеса! К счастью, у нас есть отличный способ выяснить правду. Камень Фаль, на котором утверждён Трон Четырёх Копий, издает крик, если к нему прикоснется смертный не из рода Харабаны Старого. Хотелось бы мне услышать, как камень... промолчит, когда к нему прикоснется рука... этого человека!

По толпе пробежал гул удивления и одобрения, Эрхина глянула с новым любопытством на Брана и на Торварда, потом кивнула. Столь неприкрытая и пылкая ревность была для нее приятной приправой к блюду неожиданной любви.

У Сэлы упало сердце, но на лице Торварда отразилось некое удовлетворение, и она, тоже сообразив, открыто усмехнулась. А пусть их проверяют на здоровье!

– Думаю, нет причин отказываться от этого испытания! – с торжеством воскликнула она. – Пусть Камень Фаль подтвердит мои слова! Мы все здесь с удовольствием услышим... молчание камня!

– Конечно! – спокойно сказал и сам Торвард. Голос его звучал немного хрипло, но к нему в полной мере вернулась обычная уверенность. – Пусть люди убедятся, у меня нет причин возражать!

Вся толпа повалила в Дом Четырёх Копий и набилась в Срединный Покой. Сэла стояла в сторонке: ей пришлось в голову, что ведь и ее саму могли в свое время подвергнуть этому испытанию, которое неминуемо разоблачило бы ее невольную ложь. А теперь бояться нечего. В главном она сказала правду: тот, кто стоит сейчас перед фрией Эрхиной, действительно является прямым потомком Харабаны Старого. И это уже проверялось тем же самым способом, всего полгода назад.

И все же у нее замирало сердце, когда она смотрела, как Торвард подходит к трону и кладет загорелую руку – руку бродяги Коля – на черный гладкий бок священного камня. Народ затаил дыхание, и, кажется, сам испытуемый при этом волновался меньше всех. Он подозрительно мало волновался, Сэле хотелось посоветовать ему изобразить побольше благоговения... Но Торвард сын Торбранда был мало способен к этому чувству. «Это у меня от мамочки!» – как сказал бы он сам.

Среди общей тишины люди смотрели, как его рука лежит на черном боку камня, и камень молчал. Что, съели, как сказал бы Аскефьорд. Потом все закричали, загомонили, сияющая Эрхина подошла к Торварду ближе, говорила что-то, чего Сэла не могла за шумом разобрать, он что-то отвечал, глядя на нее сверху вниз спокойно и с достоинством, как равный. Во всей его фигуре, в каждом движении отражалась такая независимость, что даже прекрасная фрия рядом с ним как-то терялась и уже не казалась такой божественно-возвышенной. К счастью, она не видела его и себя со стороны. Торвард все еще был одет в бедную рабскую одежду, но все в Срединном Покое невольно осознавали: рядом с фрией стоит мужчина, равный ей. Способный стать хозяином в доме, куда его привели рабом.

В честь новоявленного «сына конунга слэттов» устроили пир, и все веселились до самой ночи, но после пира, уже раздеваясь перед сном, Эрхина вдруг наклонилась к Сэле, убиравшей ее красные башмаки в резную шкатулку, крепко схватила ее за руку и строго потребовала:

– Признавайся! Ты знала Коля раньше, пока не явилась сюда к нам?

– Знала, – быстро созналась Сэла. Если бы она отрицала прежнее знакомство, то ее осведомленность в его тайных помыслах и побуждениях выглядела бы неправдоподобно. – В Мор-

ском Пути люди разных племен много путешествуют и много знают друг о друге. Семьи всех конунгов часто встречаются на разных торжествах, а сыновья конунгов даже проводят зиму друг у друга или вместе ходят в походы летом. Он зимовал у нас.

– Он не был обручен с тобой?

– Нет, клянусь Богиней! – чистосердечно воскликнула Сэла. Она, дочь и внучка кузнецов, никак не могла быть обручена со своим же конунгом!

– Но все же он кинулся защищать тебя от того старого медведя.

– Ему это велели честь и долг благородного человека! – отчеканила Сэла. – Он сделал бы то же для любой другой девушки, за которую было некому заступиться!

– И ты можешь поклясться, что между вами никогда не водилось... ничего такого? – пронзительно глядя на нее, понизив голос, словно пытаясь заглянуть ей в душу, спросила Эрхина. – Поклянись именем Богини!

Сэла отвела глаза. «Клятв не давай заведомо ложных!» – предостерегал Отец Ратей. Ей вспоминался борт «Ушастого», потом прошлогодний день Середины Лета и тот памятный Праздник Дис, когда Аринлейв довольно невежливо вытащил ее из этих смуглых мозолистых рук, весьма откровенные ласки которых не оставляли сомнений в намерениях... Самое «такое», тут и говорить нечего.

– Ну... – приняв вид глупой девочки, которую допрашивает строгая мать, пробормотала Сэла. – Может быть... Несколько раз... Сущие пустяки... Но это было на весенних праздниках. И до того, как он узнал о тебе! – заверила она, отважно подняв глаза на фрию.

И это была правда. Даже в тот день на «Ушастом», не говоря уж о более ранних временах, Торвард не знал и не думал о фрие Эрхине с острова Туаль, как не думают о луне, на которую не собираются.

Похоже, в это Эрхина поверила. И осталась довольна, что перехватила чью-то любовь. Ее пристальный взгляд погас, она даже улыбнулась: дескать, я тебя прощаю. Но и отпущенная спать, Сэла долго еще не могла успокоиться. Ее терзали тревога и недоумение. Фрия Эрхина, лицо Богини на земле, такая умная, обученная тайным знаниям, близкая к мудрейшей из богинь, – и как же легко ее обмануть! Неужели ее самовлюбленность заслонила от нее все на свете! Но ее пристальное внимание к Торварду – чего теперь не миновать – для них смертельно опасно! У нее есть свои способы узнать правду о них, когда они и подозревать ни о чем не будут. А до Праздника Цветов еще так далеко!

Сэла старалась даже не смотреть на Эрхину, не касаться взглядом маленького черного камня на ее груди, «глаза богини Бат», не спящего в ночи. Дотерпеть до срока, не подавая вида, было так же трудно и тревожно, как идти по едва застывшему льду. Но приходится. Сэла знала, что справится. И Стуре-Одд не будет стыдиться своей внучки!

Глава 2

«Разоблачение» Торварда в очередной раз наделало много шуму, но мало что изменило. Теперь, конечно, он уже не носил дрова и не выгребал золу из очагов, а сидел за столом воинов и по утрам упражнялся с ними на зеленой площадке, одетый в роскошные цветные одежды, подаренные фрией. Но Сэла, хоть и видела его каждый день, могла лишь изредка обмениваться с ним пустыми словами. Эрхина зорко следила, чтобы они не проводили времени вместе: сидя дома, фрия держала Сэлу при себе, а во время ее ежедневных отлучек в храм Богини от Сэлы не отходила одна из девиц, Даголин. Мудрая, но опрометчивая от ревности Эрхина видела опасность там, где ее вовсе не было, при этом не подозревая о той, что была на самом деле. Она и думать забыла о Торварде конунге, о его оскорбленной любви, о разграблении и поругании его дома, о пленении той, что считалась здесь его сестрой. Никакой мести со стороны фьяллей она не ждала и не опасалась и, похоже, вообще забыла, что такое племя существует на свете. Опасалась она лишь того, что в сердце Коля, которое она считала своим, проникнет маленькая фьялленландка с золотистыми мягкими волосами, и всякий раз отсылала ее прочь, когда Торвард появлялся в Срединном Покое.

Сэла поначалу волновалась, не зная, как он будет чувствовать себя среди благородных туалетов, но оказалось – напрасно. Торвард и здесь расчистил себе место, как умел только он, обладающий, во-первых, прекрасно развитым и закаленным телом, а во-вторых, несокрушимым убеждением, что достоин всего самого лучшего. «Это у меня от мамочки», – ответил бы он, если бы его спросили об источнике последнего. На другой же вечер на пиру, когда воины делили право резать кабана, похваляясь своими подвигами, он молчал: придумывать подвиги за «Коля сына Хеймира» означало лгать, а рассказывать о своих собственных означало выдать себя.

– Я был в войске рига Мойдима, когда он приплыл на остров Инис Тан, преследуя свою жену, бан-риг Месс, которая изменила ему и убежала с ригом Суиримом Кровавым! – кричал Криодайм Яростный. – Я отбил у него неверную жену Мойдима и взял с него дань для примирения: сто плодовитых кобыл, сто коней, лучших из тех, что когда-либо направлялись уздой, сто золотых блюд и кубков, сияющих на солнце, а прочего скота столько, что хватило бы наполнить долину у моря!

– А я самого рига Мойдима взял в плен двумя годами позже, надел ему веревку на шею и пригнал к берегу весь его скот, в том числе и ту твою дань! – перебивал его Туигим Яростный. – Мой подвиг побольше твоего!

– А я бился с маормором Уайне-И-Наром! – наступал Деальгар Упрямый. – Семь раз по двадцать его лучших воинов пало от рук моих и моей дружины!

– И все-таки он остался жив, и только я сразил его самого, когда он сразил у нас четвержды двадцать мужей! – осаживал его Аэр-Суиль. – Я буду делить!

Торвард спокойно слушал это все и только иногда усмехался про себя. В землях Морского Пути обычай «сравнения мужей», как это называлось, тоже был известен, но бытовал в основном среди самых молодых, тех, кто еще чувствует потребность кому-то что-то доказывать.

– Я совершил наилучший подвиг! – перекрикивал всех Кадарн Копьеметатель, который теперь, без Ниамора, пользовался любым случаем покричать. – Восемь дней я бился без перерыва с могучим ригом Эбронгом Минд-Ниагом и добыл его голову! Вот, у меня здесь один его зуб в доказательство! – И он хлопал себя по поясу, где среди золоченых бляшек действительно был пришит чей-то зуб. – Если никто не совершал более значительного подвига, значит, право делить отныне принадлежит мне!

Доблестные герои молчали.

– Твое право было бы неоспоримо, доблестный Кадарн сын Эхне, но я не слышала голоса еще одного отважного мужа! – заметила Эрхина. Изящно опираясь на подлокотник и свесив белую руку, сверкающую золотыми браслетами, она с милой улыбкой смотрела на Торварда. – Может быть, сыну конунга слэттов тоже есть что сказать?

Все посмотрели на Торварда. Он пожал плечами и неспешно поднялся с места.

– Выходи. – Он кивнул Кадарну на свободное пространство перед очагом. – Ничьих зубов я не прихватил, но, если они нужны, сейчас я пару свеженьких добуду...

Гости опешили: «сравнение мужей» на пирах проводилось словесно и никак иначе. Фрия рассмеялась: ей этот ответ показался вполне достойным. Кадарн, удивленный, тоже не стал отказываться и вышел из-за стола.

Не давая ему времени опомниться, Торвард мгновенно напал; они схватились, народ в изумлении столпился вокруг, так что даже места им осталось очень мало, и сама фрия стояла на ступеньках трона, чтобы хоть что-то увидеть.

Сэла взобралась на скамью; она-то лучше всех знала, в чем тут дело. Кадарн видел не то, что было: он видел фигуру ниже ростом, не такую мощную, как на самом деле, а Торвард видел все как есть. Каждое неверное движение Кадарна Сэла встречала тихим восторженным визгом, который тонул в гуле толпы. А у Торварда имелся богатый опыт схваток с бондами, рыбаками и охотниками, которые мало думают о правилах и хотят одного – победить. Через небольшое время Кадарн уже лежал на спине между очагами, а Торвард встал и слегка оправил одежду, как будто ничего особенного не случилось. Он даже не запыхался.

– Ну? – невозмутимо спросил он, остановившись над остывающим кабаном и окинув небрежным взглядом толпу доблестных воинов. – Еще кто-нибудь?

Ответа не последовало. Торвард все еще был в глазах воинов скорее гостем из сказания, чем одним из них.

– Садитесь за столы, доблестные воины! – весело сказала Эрхина и опустилась на трон. – Кажется, я знаю, кто теперь будет делить кабана!

В награду она послала победителю кубок, в увлечении не успев помешать, когда из рук кравчего его выхватила Сэла. Подойдя с ним к Торварду, Сэла не удержалась и шепнула:

– А ты наглец, сын конунга слэттов! Ты что, забыл, что они при свете дня непобедимы?

Взяв кубок, Торвард застыл, глядя на нее, потом недоуменно усмехнулся:

– Троль их подери! И правда забыл!

Он засмеялся над своей забывчивостью, принесшей такие удачные плоды. От него на близко стоявшую Сэлу веяло жаром, она охотно поцеловала бы его, если бы это не было «покушением» на священное достояние фрии. В глазах Торварда мелькнуло понимание, удовольствие... но тут же Сэла затылком ощутила острый взгляд Эрхины и поспешно отошла. И тут же была отослана в спальню, где у нее снова появилось время подумать: действительно ли туалы непобедимы для тех, кто об этом не знает? Или хотя бы не помнит? Или здесь повлияло то, что уже вечер, то есть силы туалов и всех прочих примерно уравниваются? Ночью-то их и ребенок одолеет... Или потомки Харабаны Старого неподвластны общему закону?

С тех пор дележом кабана занимался Торвард, а все остальные перечисляли свои подвиги только в порядке привычного развлечения. Эрхина относилась к мнимому слэтту благосклонно, часто посылала ему кубки, но только теперь не через Сэлу, и изредка обращалась к нему с приветливыми словами. Он отвечал так же немногословно, и Сэла, тайком наблюдавшая за этим, не знала, что подумать. Такая сдержанность Торварду была совсем не свойственна, и Сэла не понимала, о чем это говорит: о его равнодушии к Эрхине или наоборот.

Иной раз фрия приглашала его с собой, прогуливаясь по валам, на крутом склоне охотно опиралась на предложенную руку... Вся ее свита держалась в отдалении, и фрия никого не звала. Того единственного, кто находился при ней, вполне хватало. Она говорила много и оживленно, но о чем – никто не знал. Торвард выглядел спокойным, держался почтительно-бес-

страстно, но никаких пылких излияний от него и не требовалось. Фрия знала, что своим вниманием доставляет ему несказанное блаженство, а какие-либо поползновения на большее с его стороны были бы дерзостью! И он, похоже, прекрасно это понимал. Такой ум и учтивость вполне возмещали его некрасивость, и вскоре фрия уже совсем не замечала его черных волос.

О самой Сэле Эрхина почти забыла и едва разговаривала с ней. Она больше не думала о Торварде конунге: ее мыслями завладел другой. Ее трогали и восхищали смелость и пылкость мужчины, который из-за любви к ней из сына конунга добровольно превратился в раба и переносил все лишения рабской жизни ради удовольствия раз в месяц мельком видеть ее. Для такого переворота требовалась отвага не меньшая, чем для всех подвигов Ниамора! Коль полюбил ее больше собственной жизни, больше собственной чести, и Эрхина невольно чувствовала признательность за такую жертвенную любовь. Но и сейчас, когда его жертва благосклонно принята, он молчит, не навязывается ей с признаниями, не насаждает, требуя награды, не выпячивает свои подвиги... Он полностью признает ее право выбирать, и оттого Эрхина чувствовала все более сильное желание употребить свое почетное право в его пользу. Этот человек умеет ценить ее. А к тому же он молод, строен, украшен шрамами и ко всему прочему оказался более искусным воином, чем бывший военный вождь. Она хотела выбрать его. Сознание того, что он в ее власти, приятно грело ее самолюбие и заживляло тайную рану, которую нанес тот, другой... Другой, которого она уже забыла... или почти забыла... или твердо решила больше не вспоминать!

– Похоже, что твоему спасителю уготована редкая честь! – как-то заметила Сэле Даголин, когда однажды девушки вот так же сидели на опушке рощи, не нужные своей госпоже. – Ведь скоро – Праздник Цветов. И военного вождя у нас все нет. Но и не видно, чтобы фрия была к кому-то благосклонна. Так что, может быть...

– О чем ты?

– К Празднику Цветов должен быть избран Рогатый Бог. Господин Тьмы.

– Зачем?

– Господин Тьмы – это священный супруг Богини, – пояснила ей Дер Грейне. – А Богиня спускается в тело фрии. Избранный должен участвовать в обряде призывания луны. Обычно у нас это дело достается военному вождю, как самому доблестному из мужчин. А теперь у нас военного вождя нет. Но фрия имеет право выбирать, потому что через нее выбирает Богиня. И кого она выберет, тот будет ее мужем на весь предстоящий год. Старая фрия Эрхина выбирала Ниамора лет пятнадцать подряд.

– Только Коль не наш и в нем не возродился никто из наших древних героев! – вставила Даголин.

– В нем мог возродиться сам Харабана Старый, Всеотец! – возразила Сэла. – И не ты ли мне рассказывала, что в родах древних конунгов священный брак между братом-воином и сестрой-жрицей был частью служения Богу и Богине?

– Да, в древности так бывало, – подтвердила Дер Грейне. – Но в последние века не было таких случаев, чтобы мог быть избран потомок Харабаны. Ведь все его сыновья ушли с острова добывать себе земли, здесь осталась только его дочь Меддви, от которой и идет наш род. Но раз уж потомок Харабаны здесь есть, то я не знаю, кого можно ему предпочесть.

– В конце концов, он убил Ниамора, – сказала еще одна жрица, Торхильд. – А кто более достоин занять место военного вождя, как не тот, кто сумел одолеть предыдущего? В древние века выбирали именно так: устраивали состязание, и победитель становился вождем. И даже раб мог принять в нем участие, если боги благословляли его силой и удачей. Все происходящее сейчас уже происходило ранее. Что наверху, то и внизу.

«Уж это верно!» – подумала Сэла, вспомнив Сигурда, который добивался любви Брюнхильд в обличье Гуннара... Все, что случилось в древности, может случиться и теперь. Потому

что основные законы бытия за века не меняются. Мужчины и женщины остаются те же самые, а значит, настоящие саги не стареют.

Теперь фрия Эрхина много времени проводила в храме на вершине Аблах-Брега. Она брала с собой и Дер Грейне, и Даголин, и всех прочих. Однажды, за пару дней до праздника, и Сэла, чтобы не сидеть одной, увязалась за ними, но осталась у ворот чудесного сада, скрывавшего самое святилище, – туда ей как непосвященной входить не дозволялось. День выдался теплым совсем по-летнему, и сквозь бронзовую решетку сада виднелись яблони, окутанные облаками бело-розового цветения. Узорная решетка сияла на солнце, так что было больно смотреть, на зеленой траве лежали причудливые тени, перемежаемые пятнами солнечного света, было тихо, безветренно, воздух наполняли сладкие запахи весны. Из глубины сада доносилось пение жриц. Никого не было видно, и оттого казалось, что поют сами яблони, счастливые и юные в своем весеннем уборе.

Сэла сбросила плащ на траву и села на него, с удовольствием оглядываясь вокруг и вдыхая теплый свежий воздух. Аблах-Брег не зря считался священным местом, обиталищем Богини: из самой земли здесь поднималось теплое чувство умиротворения, везде ощущались теплые токи, пронизавшие землю, воздух, тело самой Сэлы. Ни одна ветка, ни одна травинка не шевелилась здесь сама по себе, а каждое малейшее движение было частью единого слаженного танца. Хотелось встать, поднять руки и плавно двигаться в лад с движением трав и деревьев, ощущать свое родство с ними и подчиняться этому родству. Шепот ветвей был полон смысла, и этот смысл был так прост, что для его выражения не требовались слова, и притом так важен, что важнее этого еще ничего не было сказано от самого сотворения вселенной. Богиня присутствовала здесь и ласково улыбалась из ветвей цветущей яблони, радостно приветствуя Сэлу, как и каждого, чьи помыслы чисты. «Я, Богиня – души бесконечный восторг, я есть радость земли, и любовь – мой закон...» – вспомнилось Сэле, и она вдохнула полной грудью, чувствуя, что вдыхает сам дух проснувшейся и расцветшей земли, земли-невесты, готовой к встрече со священным супругом.

Я – цветущая радость зеленой весны,
Белизною луны я сияю среди звезд,
Шепчет голос мой в тайне текучей волны,
И живу я в мечтах человеческих сердец...

Слова Богини оставались живы и свежи в ее памяти, и каждая строка была как зеленая ветка, обрызганная росой. Это значит, что Богиня приняла ее в круг своих детей. Ибо путь к Богине есть любовь и восторг перед ее вечной красотой. Чтобы войти в нее, надо впустить ее в себя.

Вдруг на нее упала тень. Быстро подняв голову, Сэла увидела Торварда и вздрогнула от неожиданности. В ней вспыхнула радость – только его ей и не хватало до полного счастья, – но тут же Сэла в испуге огляделась: не видит ли кто? Все старания фрии не допустить их встречи приучили ее смотреть на такую встречу как на нечто недозволенное.

Торвард кивнул и сел на траву возле нее. Волосы у него уже начали отрастать, он их зачесывал назад и перевязывал куском тесьмы через лоб, чтобы не падали на глаза. Вид у него стал непривычный: усталый, равнодушный и отрешенный. Его как будто заколдовали!

– Это ты или твоя тень, о Господин Тьмы? – тихонько спросила Сэла.

– Пока еще я, – ответил он и посмотрел на нее. – Но это, похоже, ненадолго.

– Что с тобой?

Он помолчал, сорвал травинку, пожевал, потом опять бросил и вздохнул:

– Надоели мне эти туалы! Только и разговоров, что о подвигах. Может, это они передо мной так выделяются, а между собой как люди, но... Надоели, сил нет. Как свои подвиги

кончатся, так за чужие принимаются. Ты знаешь, когда Ки Хилаинн жил? Шестьсот лет назад! А они все его подвигами упиваются, как будто с тех пор больше ничего не случилось! Нет, я домой хочу!

– И я хочу! – Сэла вздохнула. – Богиня Фригг! Я чуть не забыла, я же тебе так и не рассказала! Слушай меня!

Она придвинулась к нему вплотную, схватила за руку и зашептала:

– Я видела Сольвейг! Ну, Сольвейг, сестру моего отца! На рассвете после Праздника Птиц, помнишь? Она стояла в воде, и я говорила с ней! Она пообещала, что проведет меня по воде через море и через Землю Тьмы. Я должна в ночь Праздника Цветов взять черный камень, и тогда она уведет меня! Я только не знаю, как я оставлю тебя!

– Вот это да! – Торвард свистнул и повернулся к ней. – Сольвейг! Ну, да, она нам поможет, она ведь меня с Зеленых островов домой прислала! И по пути сюда помогала вести корабль. Ты не боишься?

– Не боюсь. Я боюсь только за тебя.

– Ну, это зря. Обижаешь! – Торвард усмехнулся. – Я как-нибудь за себя постою. Тем более теперь у меня руки развязаны. Вот только... А что с ней будет, если она останется без амулета?

– Что будет?

Сэла слегка пожала плечами: она не задумывалась о том, как скажется на Эрхине потеря «глаза богини Бат». Это ее уже не занимало. Но, глядя в глаза Торварду, она поняла, что с ним дело обстоит иначе. И не только потому, что она, Сэла, уйдет с острова вместе с амулетом, а он останется. Потому что для него Эрхина – не только враг, которому надо отомстить. Для него она – самая замечательная женщина, которую он встретил в жизни, женщина, которую он полюбил и для которой не смог полностью закрыть свое сердце. Ее будущее было ему небезразлично. И он даже не отказался от мысли, что будущее у них может быть общее.

– В чем его действие? – спросил Торвард. – Что он ей дает?

– Он... – Сэла старалась получше вспомнить свой давний разговор с Дер Грейне. – Он помогает ей одолеть земные страсти, забыть человеческое и приблизиться к божественному. А если она его потеряет, то ей грозит стать несправедливой. И тогда остров погибнет, потому что несправедливый правитель – гибель любой страны.

– Но она и раньше была не очень-то справедливой. Когда напала на нас, когда хотела принести тебя в жертву.

– Дер Грейне говорила, что «глаз богини Бат» не справился.

Торвард помолчал. Теперь, когда он часто виделся с Эрхиной и она дружески обращалась с ним, ему с трудом удавалось поддерживать в своей душе ту жажду мести, которая вторично привела его на остров. Он снова готов был восхищаться Эрхиной и желал ее любви. И она обещала ему свою любовь, обещала каждым значительным взглядом, звуком голоса. В таких вещах Торвард не ошибался. Он помнил, что в сердце этой светлой девы живет самовлюбленная гордость, мстительность и коварство, но они казались ему болезнью, проклятием, которое можно снять. Если она наконец изменится, он простит ей все прежнее.

– Может быть... – неуверенно начал он, глядя в глубину священного сада сквозь блестящую решетку, будто надеялся высмотреть там подсказку. – Если этот камень глушит в ней человеческое... может быть, оттого-то все и вышло? Может быть, это он заставляет ее считать себя богиней, которую никто не смеет любить как женщину? Может, если камня не будет, она вспомнит, что богиня богиней, а сама она – женщина, как все?

Сэла не ответила. Рассуждения Торварда ее не убеждали, но она видела, что имеет дело с любовью, а здесь доводы бесполезны.

– Она как та красотка, которую превратили в чудовище, пока ее кто-нибудь не полюбит, – добавил Торвард чуть погодя. – А наутро она будет человеком. Может, у меня получится в конце концов?

– Скорее всего, да, – обронила Сэла. Она не так чтобы ревновала, но ее вовсе не радовала возможность после всего случившегося увидеть-таки женой Торварда и хозяйкой Аскегорда «расколдованную» Эрхину. Тем более, как Сэла подозревала, расколдоваться она могла только в его слепых от любви глазах! – У тебя будет отличный случай попытаться. Целая ночь. Это правда, что она тебя Рогатым Богом выбрала?

– Кем? – Торвард не понял. – Каким еще богом? Какие рога! Вот уж чего мне не надо!

– Рогатый Бог, Господин Тьмы – священный супруг Богини. Она сама выбирает его. Я ее спросила однажды, почему она тебя от... Ну, почему не захотела. И она мне в том смысле объяснила, что Богиня выбирает себе мужа. А тот, кто сам посмел ее выбрать, тот ее оскорбил. И вот теперь она выберет тебя. И ты своего добьешься. Только будь осторожнее!

– Своего! – Торвард хмыкнул, ничуть не обрадовавшись. – Это уже не я своего добьюсь, а она своего добьется! А я... Ну, посмотрим. Как ты собираешься его взять? Раньше нельзя, а в ночь праздника она тебя близко не подпустит.

Сэла промолчала. Да, это верно – в ночь священного праздника фрия спать не будет.

– Но раз уж ты говоришь, что она меня в Рогатые Боги выберет... – продолжал Торвард. – Я сам его как-нибудь раздобуду. Священного супруга-то она подпустит к себе!

– Подпустит, но снять с нее амулет, чтобы она не заметила...

– Молчи, дитя мое, это уже мое дело! Со мной ей будет не до того, чтобы следить за амулетами! Где это все будет происходить?

– Я так поняла, что в кургане. Видел большой пустой курган там, на поляне? Он у них вроде храма Господина Тьмы. Это происходит там.

– Ну, ближе к рассвету... Не знаю, какой у них порядок, но ты будь поблизости. Я тебе его вынесу.

– А как же ты? Она же хватится. Я уйду, а ты останешься. И тебя же первого заподозрят. Как ты будешь выкручиваться?

– Придумаю что-нибудь. Я не маленький, справлюсь.

Сэла вздохнула и крепче сжала его руку. Она верила, что Торвард справится, но все же мысль о том, чтобы уйти, оставив его здесь, мучила ее. Пусть за все эти месяцы они говорили всего несколько раз – теперь Торвард казался ей ближе брата. Весь ее мир сосредоточился на нем.

А Торвард сейчас думал о том, что она ему сообщила. Новость о «Рогатом Боге» перекликалась с намеками самой Эрхины и жриц, уже дававших ему понять, что его ждет нечто весьма почетное. Так вот к чему ведут ее многозначительные, пристальные и огненные взгляды, от которых у него замирает сердце и по коже пробегает горячий озноб. Но... и тут обманула! Торвард едва не выругался, несмотря на близость священного сада. Он думал, наивный, что Эрхина отвечает на его любовь, – а она просто назначила его исполнителем обряда!

А может, она по-другому и не умеет? Может, она и любить умеет только как Богиня – в обряде? Но и это, надо сказать, неплохо, и не зря за этот «обряд» веками соперничают самые доблестные воины острова Туаль. И он правильно делал, что выжидал: для успеха следует дожидаться, пока она сама, так сказать, «возьмет его за уши» и потребует любви. Здесь так принято.

Она выберет его «священным супругом»... Какая же это будет злая насмешка: она отвергла его, когда он пришел к ней конунгом, и принимает, когда он явился рабом! А может быть, ей такой мужчина и нужен – раб. А значит, только раб и будет для нее мужчиной... Но этот внезапно найденный путь к ее благосклонности не обрадовал Торварда. Ведь он не раб, а значит, она выберет, по сути, не его.

Но, может быть... В конце концов, она еще так молода – ей всего двадцать два года, она еще не знает ни жизни, ни себя. Она слишком испорчена всеобщим преклонением и сознанием своей необычайной, возвышенной, божественной судьбы. Она совершает очень большую ошибку, подстерегающую, увы, всякого, кто ищет мудрости: она слишком довольна тем, что уже имеет, и этот тяжкий груз мешает ей идти дальше. Так мешает, что она уже давно идет назад, не замечая этого. Но, может быть, если она соизволит полюбить его хотя бы в чужом облике, ее сердце проснется и научит ее всему тому, что сейчас заслоняют от глаз честолюбие и гордость?

А если не проснется... Тогда в ход пойдет черный камень. Эрхина сама поставила его в такие условия, что в этой битве ему некуда отступить.

В день Праздника Цветов все в Аблах-Бреге и вокруг поднялись еще затемно, и к рассвету вся широкая луговина перед священным холмом кипела от множества народа. Туалы нарядились в зеленые рубахи, платья, плащи, головы их украшали венки из травы и весенних цветов, перевитые белыми лентами. Люди были веселы и возбуждены, как на свадьбе в собственном роду. Сегодня отмечалось величайшее событие каждого года – священный брак Земли и Неба, Великой Богини и ее супруга, Рогатого Бога Солнца и Повелителя Тьмы. Тех, кто выглядит противоположностями, но слияние которых продолжает жизнь во вселенной. Сюда собрались туалы со всего острова, чтобы увидеть свою Богиню в день ее священной свадьбы, и недавние события вокруг нее разогрели всеобщее любопытство и возбуждение горячее обычного. Весь Туаль до самых отдаленных от Аблах-Брега побережий уже полнился слухами о чужеземце, который убил военного вождя, и всем не терпелось узнать, кого же она выберет: этого чужеземца или все же кого-то из туалских воинов?

Эрхина, одетая в белое, украшенная золотом, с черным поясом Богини, появилась в воротах нижнего вала с первыми лучами солнца. Ворота, с особым старанием начищенные к празднику, сияли, как золотые, и казалось, что сама Богиня выходит навстречу людям из Иного Мира, дверь которого приоткрывается лишь восемь раз в году. Сейчас, в Праздник Цветов, дверь между мирами открывалась на рассвете.

Народ радостными криками приветствовал свою Богиню, и она отвечала словами Напутствия. Его здесь привыкли слышать из года в год в дни священных праздников, каждый знал его на память, но каждый раз оно заново вызывало в сердцах восторг слияния с Богиней:

Собирайтесь ко мне, вы, о дети Земли,
Все, кто тайны постиг и кто жаждет постичь;
Научу я тому, что неведомо вам,
Научу вас я песням во имя Луны.

Я, Богиня – души бесконечный восторг,
Я есть радость земли, и любовь – мой закон.
Пусть же чистыми будут все мысли твои,
И с пути не сверни, устремляясь к мечте.

Я есть тайная дверь в Вечной Юности Мир,
Я – священный сосуд, полный жизни вином.
Я – Котел Черридвен, где бессмертье кипит,
Человечьим сердцам я блаженство дарю.

После того как Богиня скрылась, народ отправился в лес за большой елью. Ель срубили, очистили от ветвей, оставив только вершину, и торжественно понесли опять на площадку перед воротами. По пути хором пели:

Благословенно будь это дерево,
Несущее в себе нашего Повелителя,
Которое скоро войдет
В нашу Мать-Землю!

В самой середине площадки красовалась яма, которую перед каждым праздником заново расчищали. Жрица Торхильд вылила в яму соленую воду, а народ вокруг снова пел:

Земля-Мать, пусть этот дар
Подготовит тебя к принятию
Супруга твоего, нашего повелителя!

Принесенную ель обвили красными и белыми лентами, в знак встречи здесь смерти и возрождения, женщины привязали на нее множество букетиков фиалок. Многие подходили к дереву и, чем-нибудь острым порезав или уколов себе руку, брызгали кровью на ствол, принося жертву дереву и помогая таким образом плодородию земли. Жрица, окунув палочку в сосуд с маслом, наносила на ствол крестообразные знаки солнца.

Весь день после того вокруг священного дерева торжественно кружились обрядовые танцы и по долине разносилось пение:

Три чуда есть: рождение, жизнь и смерть,
Приход зимы сменяет сладость лета,
И восемь раз в году мы свой сплетаем круг,
Из года в год идем за кругом таинств.

Друг друга обгоняют свет и тьма,
Сменяет солнце ночь, сама сменяясь светом.
Так нам достались в дар от наших предков
Сказания о Боге и Богине.

Король Теней Рогатый по ночам
Верхом на диком ветре в небе мчится,
А днем же он – Зеленый человек,
Что по лесным полянам в чаще бродит.

Она же может быть девицей юной,
Плывущей в полночь в лодке под Луной,
Но срок придет – и сделается вновь
Старухой древней, шепчущей заклятья.

Так будем петь в честь Бога и Богини,
И танцевать в кругу, в объятье тесном,
А час придет – и на спине Оленя
Помчимся мы в Чертоги Возрождения.

Эрхина, ее приближенные-жрицы, Торвард – никого из них Сэла с самого рассвета не видела. Они были на вершине холма, в храме, где творили свою часть праздника, скрытую от глаз непосвященных. Но Сэла провела счастливейший день: среди народа никто не знал, кто она такая, и она веселилась вместе со всеми, кружилась вокруг священного дерева и пела, сливаясь с толпой в одно целое и чувствуя, как ее дух, согласно с общим духом народа, стремится к духу Богини. В Аскефьорде, где все было слишком знакомо, люди отвлекали все ее внимание на себя, а здесь она чувствовала себя наедине с самой Фрейей. Земля была невестой, трепещущей в ожидании своего священного супруга, и встреча их даст начало мирозданию, обновит и пополнит жизненные силы всего живого.

Потихоньку опускались голубовато-серые сумерки, воздух между небом и землей как будто делался плотнее. Шумные игры и танцы прекратились. Охапки хвороста, украшенные пучками лесных и полевых цветов и белыми лентами, сложили в тринадцать больших куч, образовав круг внутри череды белых камней. Позади него темнела громада Гробницы Бога. Это был большой курган, пустой внутри и служащий своеобразным храмом, нижним противовесом Дома Золотой Яблони на вершине холма. В сумерках он приобрел какой-то особенно зловещий и многозначительный вид, и от взгляда на эту черную гору бросало в дрожь.

Из ворот Аблах-Брега показалась Дер Грейне, державшая в руках большой золоченый светильник, в котором пылал священный огонь из храма. Одетая в белое, с венком из яблоневых ветвей на голове, она казалась прекрасной, как лунный луч, и такой ненастоящей, что все ахнули, хотя наблюдали нечто подобное каждый год. Это была истинная дева Иного Мира, и даже Сэла не узнавала сейчас свою подругу.

Под общее пение Дер Грейне зажгла священные костры, по кругу переходя от одного к другому, и снова исчезла. Сэла, усталая и взбудораженная, всей кожей ощущала, как растет общее возбуждение вокруг нее: все ждали самого важного на этом праздновании.

Из глубин гробницы вдруг раздались удары бубнов, и Сэлу пронизала жуть: это звучало как призыв Иного Мира, как знак открываемой двери.

Толпа вокруг нее содрогнулась и попятилась от круга священных костров в безопасную мягкую тьму.

Ворота Аблах-Брега снова распахнулись, и из них показалась череда белых фигур. В сумерках, при свете костров, под звуки загробных бубнов, они казались посланцами Иного Мира, выходящими из той самой Пылающей Двери, что открывается восемь раз в году. И каждый, кто это видел, переживал заново рождение мира, творимого обрядом на его глазах, в глубинах его собственной души. Это были женщины, числом тринадцать, как тринадцать лунных месяцев в году, из числа самых знатных и мудрых жриц острова Туаль, духовных дочерей Меддви. Все они были одеты в тонкие белые одежды, каждая несла светильник, словно все тринадцать лун года вышли вместе в эту священную ночь. Сэла видела и различала лица – Бресайнех, Торхильд, Фрейунн, Дер Грейне, Рифедды, Даголин, Дуброн и других, – но сейчас никого не могла узнать.

Впереди шла Эрхина. На голове ее был золотой убор с полумесяцем надо лбом, а в руках она держала большую круглую чашу, золотую, с рядом крупных жемчужин по краю. По толпе пролетел вздох благоговения, и Сэла затрепетала. Жемчужную Чашу выносили из храма лишь один раз в году. Дер Грейне рассказывала ей о Чаше Богини: сила Фрейи, чья мудрость равна мудрости Одина, делала Жемчужную Чашу подобием Источника Мимира и позволяла Богине взглянуть изнутри на мир и сплетение его сил. Поэтому Чаша способна делать предсказания: она владеет прошлым, из которого тянутся ростки будущего.

Сначала Эрхина, а за ней другие вступили в северо-восточную часть круга и пошли, двигаясь вслед за солнцем, пока каждая не заняла свое место между двух костров. В ярком свете пламени белое сияние их одежд померкло, но бубны стучали быстрее, и живое биение пламени наполняло все происходящее каким-то торжественным напряжением. Все смотревшие в круг

дрожали, и биение бубнов отдавалось у каждого где-то внутри, словно это стук собственного сердца.

Эрхина встала в самую середину и опустила чашу на землю возле своих ног. Подняв руки, она стала призывать духов в каждую из четвертей круга: духов воздуха – в восточную часть, духов огня – в южную, духов воды – в западную, духов земли – в северную. Жрицы повторяли за ней заклинание, и даже со стороны все отчетливее ощущалось, как накапливается сила внутри круга.

Вслед за тем Эрхина призвала Звездный Народ – особых существ, не нуждающихся в теле и пришедших со звезд, хранящих круг и помогающих волшебю. В каждой из сторон круга появилось по столбу призрачного голубоватого света; они чуть заметно колебались, словно под дуновением невидимых ветров, но от них исходило ощущение силы, мудрости, покоя и защиты.

Чудесный круг был создан – теперь он стал крепостью с незримыми стенами, островком между мирами, не принадлежащим ни земле, ни иным мирам, но той священной точкой, где они встречаются. В воздухе висели чуть заметные, голубоватые очертания шара, словно бы до половины зарытого в землю и заключившего в себя площадку Круга и гробницу. Приглядевшись, этот шар можно было отчетливо различить, но стоило сосредоточить внимание на белых фигурах на площадке – и преграда для глаз исчезала, каждая жемчужина на стенках Чаши делалась отлично видна. Ничего подобного Сэла не видела у себя дома, и теперь, в присутствии таких сил, она ощущала остров Туаль серединой земли. Серединой, от которой зависело, будут ли расти трава и зреть плоды во всех уголках обитаемого мира. Все нехорошие чувства, которые Сэла питала к Эрхине, сейчас исчезли: ведь в этой женщине действительно жила Богиня, дарующая жизнь вселенной. И то зло, которое Эрхина порой причиняла, казалось пустяком по сравнению с тем благом, которое она заключала в себе.

– Призовем Рогатого Бога! – хором воскликнули двенадцать жриц, и толпа вокруг площадки ответила невнятным гулом.

Возбуждение, благоговение, восторг и ужас толпы придавали сил тем, кто стоял в кругу, а они направляли эту силу, и тем самым посвященные и непосвященные делались словно бы головой и телом единого существа. Существа, способного говорить с божеством.

– О Солнечный Олень, Рогатый Бог! – протяжно провозгласила Эрхина, и все двенадцать жриц подхватили призыв за ней.

О Солнечный Олень, Рогатый Бог!
Тебя зовем волшебной этой ночью!
Дорогою Луны пусть твой проляжет путь
И приведет в священную гробницу.

Сюда, где в круг священный встали мы,
Где воздух лунным светом околдован,
Скачи, наш Бог, скачи, Владыка Тьмы,
Спеши на встречу радостную, Воин!

Тебя мы древней песнею зовем,
Из чаши леса, из страны туманов.
Пусть загорится взор зеленых глаз,
И пусть Копье сверкнет в могучей длани.

Луна спустилась с неба в час волшбы,
Сосуд бессмертья жаждет обновленья,

Ты здесь, наш Бог, войди в твою обитель,
Где Чаша Смерти станет Чашей Жизни!

Песня Призывания еще не окончилась, когда возле северо-восточного входа в круг появилась высокая черная фигура. Заметив ее, Сэла задрожала так, что едва могла стоять. Она знала, кто это, и она видела перед собой Повелителя Тьмы. Тождество того и другого внушало ей неодолимый ужас, так что даже захотелось убежать. Но куда было убежать из этой ночи, где Торвард, их Торвард, стал Повелителем Тьмы для Эрхины. Она завладела им и сделала тем, кого хотела видеть. Сейчас это был не Торвард, а существо из мира Эрхины, которое внушало Сэле то страх, то восторженное благоговение, оставаясь чуждым. И Сэла трепетала от ужаса, боясь, что настоящий Торвард никогда не вернется из той страны, куда ушел его дух, пока телом завладел Повелитель Тьмы.

Нет, он справится. Ведь и он – потомок Харабаны Старого. Сорок поколений его предков умели призывать в себя богов и расставаться с ними без вреда для своей человеческой сущности. А еще он – сын Хёрдис. И это тоже не так уж мало...

Под заключительную строфу заклинания Повелитель Тьмы вошел в круг и приблизился к Эрхине. В руке он держал короткое копьё с золотым наконечником. На него упал отсвет огня, но Сэла не могла рассмотреть его лицо, оно ускользало, как все принадлежащее Иному Миру.

– Призовем Богиню! Призовем Луну опуститься к нам! – снова вскричали жрицы.

Эрхина опустила на землю в середине круга, и жрицы поставили Жемчужную Чашу на ее живот. Из-под черного плаща Повелитель Тьмы вынул блестящий сосуд и бережно перелил из него в чашу что-то темное. Сэла в первый миг с ужасом подумала, что это кровь, но потом сообразила, что это, должно быть, вино. Дер Грейне рассказывала ей, что для обрядов тут используют красное вино, и в него добавляют лишь несколько капель «лунной крови», чтобы освятить его.

Жрицы запели новое заклинание, призывающее дух Богини в земное тело:

Помоги мне воздвигнуть священный алтарь,
Что Богине служил с самых давних времен;
Точка в тайном кругу – середина всего,
Женским телом зовется тот древний алтарь.

О Владычица Ночи, о пламень средь звезд!
Твое имя мы в тайне безмолвно храним;
Твое имя – Ничто, и постигнуть нельзя
Все твои чудеса, что творишь ты для нас.

Проведи же мой разум дорогой волшбы,
Отвори Врата Дня, Врата Ночи открой,
Там, где Чаша священная примет Копье,
Где проляжет путь таинства – в точке в кругу.

О Богиня, ты Дева, Старуха и Мать,
Ты – зерно под землей, ты побег и цветок,
Всем тебя заклинаяем, что в мире живет:
В это тело войди, оживи свой алтарь!

Заклинание было допето, и Повелитель Тьмы, обеими руками держа копьё, медленно погрузил его острие в чашу. Все вокруг затаили дыхание, Сэла вообще перестала дышать, и сердце ее замерло.

Соединение двух стихий свершилось, и из чаши раздался голос. Это был, казалось, самый нежный, наполненный любовью голос, который ей приходилось слышать; в нем была девичья звонкость и простота, женская ласка и забота, мудрость старухи; это был голос Луны, призрачный и прозрачный, и такой прекрасный, что душа замирала и на глаза наворачивались слезы. И голос Богини произнес:

Благословенно семя, брошенное в землю,
Благословен луч Солнца, проникший во чрево Тьмы.
Тьма – мать Луны, и родится Дитя,
Светлое ликом, ясная искра звезды.

То, что выбрал ты для себя, обернется потерей,
Ничего нельзя получить, не отдав чего-то взамен.
Но в потере скрывается милость судьбы,
Родится Луна из мрака, и все обновляется в смерти.

Голос отзвучал и затих, но какие-то смутные отблески его еще долго, как казалось, звенели где-то рядом, словно нежный звон серебряных струн, постепенно отдаляясь, замирал вдали. Народ перевел дыхание и загудел: благословение слышали все, но никто не знал, как его истолковать. В нем слышалось какое-то предостережение, оставившее в душах отраду и тревогу.

Повелитель Тьмы снял чашу с живота Эрхины, помог ей подняться и, взяв за руку, повел вдоль по кругу. Жрицы со своими светильниками, как двенадцать прекрасных лун, двигались за ними, теперь уже в обратном направлении, против солнца, размыкая священный круг и снова разводя мир земли и Иной Мир каждый в свою сторону. Через те же невидимые ворота в северо-восточной части Повелитель Тьмы вывел Богиню из круга, вслед за ними вышли двенадцать жриц. Бресайнех несла чашу, а Дер Грейне и Рифедда, опуская в освященное вино пучки трав, кропили толпу, чтобы до каждого донести благословение Богини.

Бог и Богиня поднялись на Гробницу и скрылись в темном провале входа. Жрицы со светильниками и чашей снова образовали круг, а у самого подножия холма встала госпожа Фрейунн, мать Дер Грейне, с арфой в руках. Толпа придвинулась ближе. Священный путь Богини продолжался во тьме под землей, скрытый от глаз, и о нем повествовало древнее сказание о Сошествии Богини. Фрейунн начала петь, сопровождая слова таинственным перезвоном струн.

По реке поколений Богиня плыла,
И пристал ее челн возле тайных ворот.
«Заплати за проход, – Страж Богине сказал, —
Ведь нельзя получать, не давая взамен».

Семь ворот миновала Богиня в пути
И везде отдавала уборы свои:
Ведь ничто из того, в чем богатство земли,
В Королевство Теней взять с собой не дано.

Власти жезл и венец, ожерелье, кольцо
Отдала она Стражам, и пояс сняла.

И оставила обувь, забыв прежний путь,
У седьмых же ворот она платье сняла.

Это сказание Сэла слышала впервые, и каждое его слово отпечатывалось в ее сознании, проникало в кровь. Она была полна ощущением, что это говорится о ней самой – она и Богиня были одно. Дыхание Богини разливалось над землей в эту священную ночь, наполняя всех женщин. И собственный ее путь по земле теперь казался Сэле путем Богини. Как Богиня лишилась власти и свершений, положения и всех привычных представлений о себе, а под конец даже и телесной оболочки своего духа, так и Сэла потеряла все, что считала своим: родину, положение в надежном замкнутом кругу, привычные представления о мире и его устройстве. Даже тот остров Туаль, с которым Сэла успела познакомиться, растаял в сиянии Иного Мира, и Сэла смотрела сквозь него, пытаясь понять вселенную.

И предстала Богиня пред Богом Теней;
Как стрела, поразила его красота.
Преклонил он колени, венец свой сложил,
И свой меч опустил он у ног Госпожи.

«Благодатны те ноги, что путь весь прошли! —
Так сказал он Богине и встал перед ней. —
Умоляю тебя, оставайся со мной!
Ты прекрасна, ты тронула сердце мое».

Отвечала Богиня Правителю Тьмы:
«Нет, не внемлет мой слух твоей пылкой мольбе.
Все, что дорого мне, обращаешь ты в прах,
Всем, чем я утешаюсь, ввергаешь ты в тлен».

«У всего есть свой возраст, – он ей возразил, —
Время смертными правит и клонит к концу.
И кому вышел срок – тем даю я покой.
Я дарую им мир после бедствий земных.

Провожая я умерших к духам Луны,
Там пребудут, а после вернутся назад.
Ты прекрасна, прошу я, останься со мной!»
Но Богиня сказала: «Нет, мне ты не мил!»

«Если ты отвергаешь объятья мои,
То преклонишь ты спину под смерти бичом!» —
«Если жребий таков мой, все вынесу я».
И склонилась Богиня под жгучий удар.

Сэла слушала, и сердце ее трепетало, словно ее саму уговаривает навек остаться здесь этот чудный, звучный, мудрый и ласковый голос. Хотелось поддаться его неземному обаянию, но какой-то тайный страж в душе предупреждал: нет, не к тому вела ее Богиня. Богиня не отказала Повелителю Тьмы в своей любви, когда поняла, что и смерть есть неотделимая часть Круга Возрождений, в знак чего Повелитель подарил ей золотое ожерелье-кольцо. Но, следуя Кругу, путь ее снова повернулся вверх, к возрождению и свету.

«Вот узнала я боль, боль любви, Господин!»
И поднял Госпожу Повелитель Теней.
«Так достигнешь ты знания и радость найдешь!
Поцелуем моим посвящая тебя!»

Заключили союз они в Мире Теней,
Обменялись дарами во благо любви:
Он ей дал ожерелье, таинственный круг,
Древним таинствам Чаши учила она.

Есть три чуда: рождение, смерть и любовь,
Но любовь – всего выше, всем правит она.
Умерев, ты вернешься, родишься опять,
Вместе с теми, с кем жил и которых любил.

Возвратившись, ты должен их вновь отыскать
И опять полюбить, как и прежде любил.
Обновиться в рождение поможет лишь смерть,
Но лишь через любовь ты вернешься к своим.

Сказание обещало Сэле именно то, к чему она стремилась, – возвращение в свой мир. Это неизбежно, потому что всякий путь на земле приводит к возвращению к себе. Вот только чтобы к себе вернуться, сперва нужно от себя уйти. На этом пути поджидает неизбежная смерть, но тот, кто не проходил через нее и не возродился, на самом деле никогда и не жил.

Фрейунн опустила арфу, но Сэла продолжала смотреть: в глубине ночи перед ней сияла Пылающая Дверь, ведущая домой.

Сказание было окончено, двенадцать жриц со светильниками под затихающие звуки свирелей ушли в ворота Аблах-Брега. Народ оживился, все заговорили, в костры полетели новые охапки хвороста: священные костры Праздника Цветов должны гореть всю ночь.

Пламя взметнулось высоко, и тьма отхлынула. Сэла отошла к опушке рощи и прислонилась к стволу, чтобы перевести дух. Она словно бы выплыла из темной воды забвения и снова вспомнила, кто она и что. Ее переполняли восторг и беспокойство, словно она сомневалась, сумеет ли выдержать тяжесть обретенных сокровищ.

В нескольких шагах у дерева тоже кто-то стоял. Сэла сперва не обратила внимания, но пламя ближайшего костра вдруг взвилось, на опушку упал широкий огненный отсвет, и она узнала Брана. В зеленой, вышитой золотом праздничной рубахе, в плаще с большой золотой застежкой на плече, с помятым венком из травы и цветов на шее, он стоял, не сводя глаз с Гробницы Бога. Сэлу он не видел. На лице его застыло странное выражение: сосредоточенное, напряженное и отчаянное. У Сэлы упало сердце. Да, ему одному было невесело в эту ночь. Год назад в Гробницу Бога ночью Праздника Цветов вошел его отец. А теперь там черноволосый чужак, бывший раб, убивший его отца и этим самым, по сути, отнявший у самого Брана надежду попасть в священную гробницу.

– Солнечный Олень – бог всех мужчин, – сказала Сэла, и Бран, вздрогнув от неожиданности, обернулся. – Он – во всех вас, и неважно, в чье тело он вошел, чтобы дать новую жизнь земле. Можешь считать, что и ты тоже – там. Сейчас не время вспоминать старые обиды.

В первый миг, увидев ее, Бран переменялся в лице, но, пока она говорила, овладел собой и теперь смотрел на нее так, будто не мог решить, вправе ли он отвечать ей.

– Забудь о том, что прошло, – продолжала Сэла. – Твой отец совершил достаточно подвигов. Он был великим вождем, он был Рогатым Богом празднеств, был мужем старой фрии Эрхины. Он всего достиг, ему было больше не к чему стремиться. Жизнь его стала бы пустой и скучной, когда ее наполняла бы одна похвальба прошлыми подвигами. А чтобы идти вперед, прошлое надо сбросить. И вот теперь перед ним все миры открыты заново. Теперь Богиня позволит ему начать все сначала. Это прекрасно. И тем, кто его любил, здесь не о чем жалеть.

Бран медленно повернулся к ней, опираясь плечом о ствол старой березы, словно нуждался в поддержке.

– Тебе легко оправдывать его смерть! – угрюмо сказал он, но неприкрытая обида на его лице выглядела уже лучше прежней ледяной замкнутости. – Он ведь погиб из-за тебя!

– С каждым случается только то, что ему суждено. И ничего больше! А если уткнуться носом в свои обиды, как свинья в корыто, то мира так и не увидишь. У меня тоже есть что вам припомнить. Но я на тебя не держу зла ни за что. Ни за то, что ты меня привез сюда, ни за то, что подарил... ей.

– Можно подумать, я что-то на этом выиграл! – Бран криво усмехнулся, но тут же заговорил быстро и горячо: – Я сам больше всех наказан за это! Если бы я не подарил тебя ей, ты жила бы далеко отсюда, и не было бы этого убийства, и фрия не освободила бы слэтта, и он никогда не попал бы туда! – Бран кивнул на темную громаду Гробницы, вокруг которой горели костры и звучали песни.

– Вот видишь! Ты своими руками привез себе несчастье, когда думал, что обрел благо. Так, может, и то, что ты сейчас считаешь несчастьем, обернется со временем чем-то хорошим? Все случилось так, как должно было случиться. И пока воля богов неясна, не стоит травить себе сердце и пенять на судьбу.

Слушая, Бран подошел к ней вплотную. Его взгляд изменился: теперь это снова стали глаза того человека, который говорил ей о любви, обещал увезти из плена и взять в жены. И сейчас Сэле не хотелось над ним смеяться. Его любовь была так же чиста и истинна, как прохлада весенней ночи вокруг. Корни ее были слишком глубоки, чтобы ее могла подорвать случайность.

Сэла положила руки ему на грудь. Ее слова он воспринял как пророчество, как обещание того блага, к которому он тайно стремился даже тогда, когда не верил в его возможность. Она была в его глазах чудесной возлюбленной из Иного Мира, которая рано или поздно приходит за всяким смертным, у кого есть душа. Она была дочерью заморского конунга из высокой каменной крепости, их окружали опасности, а впереди ждало одно из двух – счастье или смерть. Все сказания кончаются или тем, или другим. Но даже если их ждет гибель, как Дейрдре и Найси,⁶ нельзя было жалеть о чем-то при виде этого белого лица, этих блестящих глаз, в которых сияли все сокровища Иного Мира.

«Есть три чуда: рождение, жизнь и смерть...» – доносилась с поляны перед Гробницей обрядовая песня Праздника Цветов. Вокруг них полной грудью дышала священная ночь Возрождения: дрожали и колебались отблески пламени, изредка выхватывая из тьмы лицо Брана с напряженными, страдающими и молящими глазами. От венка на его груди веяло сладковатым запахом умирающих цветов, прохладный воздух весенней ночи освежал и бодрил, и Сэла вдруг снова почувствовала себя Богиней, которую Круг Возрождений ведет в объятия бывшего врага. Они были из разных миров, оба невольно причиняли друг другу зло, но из-за этого еще драгоценнее казалось благо, которое они могли друг другу подарить. Все пропало, осталась только ночь брака Богини, ночь примирения противоположностей, призыв всему живому сливаться в любви.

⁶ Персонажи одного из самых известных сказаний древних кельтов о трагической любви.

Бран обнял ее и стал жадно целовать ее шею, щеку, глаза; Сэла так сильно ощущала стук его сердца, словно оно билось не в груди, а во всем теле, в каждой частичке. От него исходил мощный поток каких-то заклинающих сил, жажда и мольба, словно для него ее любовь была решением жизни и смерти. Бран тоже ощущал в себе свое божество; эта бурлящая сила разорвет его, если не найдет выхода. И Сэла вдруг ощутила неодолимо мощное влечение к силе этого божества: Богиня поглотила ее, растворив в себе и сама растворившись в ней.

Стихия любви, два года назад, на этом же празднике расцвета, пробужденная в ней Торвардом ярлом, снова проснулась, но теперь как нечто знакомое, утвержденное, имеющее право. Они не могли больше выбирать: Богиня повернула Кольцо Возрождений стороной любви, и перед силой Кольца отступило все земное.

Незадолго до рассвета Сэла одна оказалась в чаще леса, в стороне от полян, где еще горели костры и слышались поющие голоса. Она убежала, оставив Брана где-то позади: ей требовалось побыть одной. Правда, думать не хотелось и мысли давались с трудом. Она лежала на разостланном плаще, поверх пышной свежей травы, и несколько желтых цветков касались ее лица. Сэла была в полудреме и только прислушивалась к себе. Ей казалось, что все частички ее тела пришли в движение и каждая из них двинулась своей дорогой, и она, Сэла, рассеялась, растворилась в пространстве, слилась с ночью, небом и землей и никогда уже не станет такой, как прежде. Сама себе она казалась неоглядно-огромной, как небо, и все звезды помещались внутри нее; она была везде и нигде, она была та самая заполненная пустота, которая и есть Вселенная. Эти странные ощущения пугали своей силой, но они же давали огромное блаженство, означая, что Богиня с ней, что она не потеряла даром эту священную ночь, а взяла от нее все, что могла взять, и отдала ей все, что должна была отдать. Кровь Богини еще текла в ее жилах, согревая, оживляя и наполняя смыслом каждую частичку.

Рядом на траве лежал венок из полуувядших березовых ветвей, а в шею жестко упирался край чего-то твердого. Сэла повернулась, думая, что это ветка, и нащупала толстую узорную цепочку. Ах, да! Это было ожерелье, где к золотой цепи тесно, вплотную одна к другой, прикреплялись вытянутые золотые капельки, ожерелье Брана, но Сэла не помнила, как оно к ней попало. Она вообще не помнила, что и как произошло. Ей и не надо было этого помнить, потому что это происходило не с ней и воспоминания принадлежали не ей. Она была Богиней, и с ней был ее Бог, ее Солнечный Олень.

Ощупывая ожерелье, Сэла понемногу приходила в себя. В ушах раздавались потусторонние звуки бубна и флейты, неразборчивое пение жриц, и белые женские фигуры, стройные и прекрасные, со светильниками в руках, бросавшими серебряные отсветы на белые лунные тела, начинали двигаться в обрядовом танце. Все качалось, плыло, и она не могла найти себя, затерянную в неизмеримых пространствах миров.

Ища хоть какой-нибудь опоры, ища себя прежнюю, Сэла попыталась вспоминать свой дом и его сказания. Что теперь там, в Драконьей роще Аскефьорда? Вчера вечером там пели о сватовстве Фрейра к Герд, и Драконья роща была земным отражением той рощи Барри, где Герд ждала своего жениха. В ночь Праздника Дис земная и небесная рощи сливаются, и каждая девушка становится красавицей Герд. Вот поэтому она, Сэла, и не противилась, когда ее Фрейр явился к ней в обличье Торварда ярла. Вот только Аринлейв, глупый, ничего не понял... а теперь он, слава асам, далеко...

И образ Аринлейва наконец-то вызвал Сэлу из ее зыбкого полусна-полубреда. Рассвет был совсем близок.

Кто-то огромный, как олень, неслышно наблюдавший за ней из темных кустов, пока она лежала, вдруг ожил в пяти шагах от нее и опрометью бросился прочь, не дав себя разглядеть.

Под удаляющийся треск веток Сэла поднялась, села на траве. Аринлейв... Аскефьорд... И туда она должна вернуться... сейчас, на рассвете, после Ночи Цветов! Сольвейг! «Глаз богини Бат»!

«Жди меня возле кургана...» Сэла вскочила на ноги, кое-как оправила помятую праздничную одежду и бегом пустилась через лес обратно к кургану.

Кое-где в лесу еще гулял народ, двигались празднично-яркие, но утомленные фигуры. На поляне перед курганом никого не было. Сэла бросила взгляд на вершину кургана: как дать ему знать, что она здесь? Услышит ли он ее? Должен услышать! И она запела:

Ветер, полни белый парус,
Подгоняй коня морского!
Пусть он мчит по бурным волнам,
Обгоняя быстрых чаек!

Она пела, и простые слова рыбацкой песни Аскефьорда звучали как заклинание, снимающее чары Иного Мира.

Солнце, ты суши рыбешку,
Чтоб провялилась как надо,
А когда зима настанет,
Я добро не позабуду...

В отверстии кургана мелькнуло что-то живое, и Сэла замолчала. По ступенькам внутренней лестницы поднялся человек, который уже не был Повелителем Тьмы, но Сэла затруднилась бы сказать, кто это. Сквозь внешность Коля так ясно проступал облик Торварда – усталый, несобранный, точно эта ночь выпила все силы его души и тела, – и она испугалась, что морок растаял и теперь любой увидит, кто это на самом деле. Черные волосы рассыпались, и он отводил их от лица рукой Коля, но движением Торварда, хмурясь, как будто он не очень понимает, где он находится и что делает.

– Держи! – Раньше, чем Сэла успела что-то сказать, он разжал руку, и она увидела черный камешек на оборванной цепочке. Сняв камень, Торвард подал его Сэле.

– А как же... – шепотом начала она.

– А вот так! – Он бросил разорванную цепочку на утопанную землю перед курганом. – Вспоминай потом, когда это могло случиться и куда делся камень.

– А если она вспомнит, что он был, когда она входила в курган?

– Не вспомнит. – Торвард устало потер правую щеку, где под бородой прятался знаменитый шрам, не пожелавший покинуть хозяина. – Давай, бегом! Светает, видишь!

– А может, ты со мной?! – Сэла с мольбой схватила его за руку. – Может, она сумеет провести нас двоих...

– Нет, – Торвард перебил ее и отнял руку. – Я не пойду.

– Но почему?

– Потому что... Я выбрал ее, теперь она выбрала меня – нам судьба быть вместе, может, теперь она это поймет. И без камня все будет иначе. Она станет собой. Все теперь изменится.

– Но не к лучшему! Не к лучшему оттого, что она станет собой! Ты ее не знаешь!

– Да. Ну, теперь узнаю.

– Что она с тобой сделает!

– Посмотрим! У меня-то нет амулета, охраняющего мою силу! Я сам себе амулет! И посмотрим, кто теперь кого будет иметь!

Сэла отступила: в этих словах тоже был Торвард, унаследовавший от мамочки несокрушимое упрямство. Его слишком глубоко задело все это, и он должен был непременно узнать, превратилось ли в красавицу чудовище, с которым он провел ночь. И он даже соглашался ждать этого превращения дольше одной ночи – все-таки жизнь не сказание. Без «глаза богини Бат» Эрхина осталась наедине с собой, и теперь ее подлинная сущность должна будет обнаружиться. А Торвард, так тесно связанный с ней – отвергнутой конунга и выбравшей раба, – хотел быть рядом, когда это произойдет.

– Иди! – Он подтолкнул Сэлу. – Быстрее. Не успеешь.

Она отступила, потом повернулась и бросилась бежать, как лань, торопясь обогнать лучи встающего солнца.

На краю опушки ей встретился Бран: при виде нее он вспыхнул и переменялся в лице, бросился наперерез, точно хотел ее поймать, но Сэла увернулась и понеслась дальше, как от смертельной опасности. Он был как последний призрак Иного Мира, пытавшийся ее задержать, но она знала свой путь!

Вокруг становилось все светлее, и она летела по траве, судорожно сжимая в кулаке маленький черный камешек. Как далеко до моря! А пути назад теперь нет! Она должна успеть вовремя, чтобы все эти труды и жертвы не оказались напрасны. Разбитое сердце Торварда, гибель Гунн, раны отца и деда, ее собственное пленение... Она должна успеть! Быстрее, быстрее! Сердце бешено билось, грудь разрывалась, а ноги работали будто сами по себе и не обращали внимания на протесты всего остального.

Запыхавшись, Сэла выбежала к цепочке валунов, за которой днем расстилалось море. Сейчас там был лес. Не останавливаясь и даже не оглянувшись назад, на «настоящую» землю, Сэла пробралась между валунами и спрыгнула на песок. Она отчетливо слышала, как песок поскрипывает под ее ногами, а потом опять началась мягкая трава.

Чувствуя, что бежать теперь необязательно, Сэла быстрым шагом шла по тропинке через лес. Вокруг быстро светлело. Ночь кончалась, хотя солнце еще не было видно. Впереди показался широкий луг, вдали окаймленный новым лесом. Трава под ногами была мягкой и густой, но невысокой и идти не мешала; в траве пестрело множество цветов, и жалко было мять этот живой ковер. Кое-где попадались деревья – широкие, раскидистые яблони, похожие на дом, с корой и ветвями серебряного цвета. Листья на них были мелкие, чуть зеленоватые, с серебристым отливом, зато белые махровые цветы сияли ярко, как звезды. На ветвях яблонь сидели разноцветные птицы и тихо, протяжно перекликались звонкими и нежными голосами. Хотелось остановиться и послушать, но Сэла упорно боролась с искушением. Все вокруг призывало расслабиться, отбросить тревоги, впитывать в себя блаженство прекрасного мира, никуда не спеша и ни о чем не беспокоясь, но Сэла шла и шла вперед, сжав зубы, как будто вокруг смыкались ужасы и опасности. Ей вспоминалось сказание про королеву Рианнон и ее волшебных птиц: при звуках их пения живые засыпают, а мертвые начинают говорить. Сэла, будучи пока что живой, боялась заснуть на этом прекрасном лугу. «Здесь, на этой прекрасной равнине...» Ведь с первым лучом солнца эта земля обернется водой! Она идет над водой и почти что по воде, вся эта красота – обман, призрак...

«Постарайся уйти до рассвета как можно дальше, это важно!» Сэла шла и шла, лишь мельком оглядывая прекрасные деревья, по сверкающим разноцветным камням перепрыгивала через ручьи. Солнце еще не вставало, но каждая травинка и каждый камешек здесь испускали свой собственный свет – неяркий, мягкий и чарующий.

Все ручьи впадали в большую реку, от которой Сэла старалась не удаляться, – это была Дана, которая днем растворялась в море, а ночью снова обретала русла и берега. Струи ручьев несли крупные, сияющие перламутром жемчужины, но Сэле даже в голову не приходило попытаться поймать их: здесь, как во сне, тает все, что пытаешься взять в руки. Увидеть то, что

принадлежит Иному Миру, могут многие. Но лишь один человек из тысяч может взять и унести что-то отсюда.

Ей встречались кони, мирные, свободные, то с голубой, то с красной шкурой, и все они с таким живым осмысленным любопытством смотрели на нее своими голубыми, зелеными, фиолетовыми глазами, словно ожидали только случая, чтобы заговорить с ней. Но Сэла кивала им и продолжала идти. У нее не было времени для разговоров.

Черный камень, зажатый в руке, по мере пути становился все тяжелее. Нити, протянутые между ним и Аблах-Брегом, натягивались все туже, но не рвались, а затрудняли ее движение вперед. Ведь она уже ушла с острова Туаль, она уже не принадлежала ему, и остров, лишенный своего истинного сердца, умирал где-то позади. Его страдание катилось вслед Сэле, и ощущение этого тяжкого глухого мучения так не шло к той чарующей красоте, которая ее окружала! Сэла с беспокойством ощущала увеличивающуюся тяжесть камня, и это тоже заставляло ее прибавлять шаг. Уйти как можно дальше было ее главной мыслью, главным стремлением. Мельком оглядывая сияющие серебром рощи, диковинные, огромные цветы под ногами, коней и птиц, она запрещала себя увлекаться. Известно, чем кончается неумеренное любование красотами иного мира.

Вдруг по траве побежали золотые полосы. Сэла в испуге оглянулась: над лугами вставало солнце. Его край выглядывал из-за рощи, и в свете его лучей роща сверкала так, что смотреть было невозможно. Сэла зажмурилась, но продолжала идти, снова ускоряя шаг. Она шла вслепую, чувствуя, как трава, по которой она ступает, делается все мягче и мягче, как постепенно она начинает покачиваться, приподниматься и проминаться под ногами.

Приоткрыв глаза, Сэла увидела то же самое, что видела ночью после Праздника Птиц: широкое пространство было залито золотистым солнечным светом, и по мере того как он таял, видения трав и деревьев бледнели, а из-под них проступало море. Зеленый цвет сменялся сероголубым, сам переход был так красив, что Сэла залюбовалась, не переставая идти. Но вот зеленый цвет утонул и растаял.

Равнины не было. Реки тоже не было. Перед ней расстиралось море. Сэла не решалась оглянуться, понимая, что ушла далеко от берега и что это хорошо. Она старалась не думать о том, как ей удастся идти по волнам. Каждый раз, когда она наступала, вода уплотнялась и держала ее, только слегка прогибалась. Но, уже отрывая ногу от поверхности, Сэла слышала хлоппанье жидкости и ощущала, как брызги летят на ее ноги и подол.

Перед ней вдруг встала Сольвейг – такая же невысокая, легкая, светловолосая, точно иномирное отражение ее самой. Сэле стало легче – и только теперь она ощутила, какой тяжестью лежало на ней изумление и подавляемый страх.

– Идем! Идем! – звала ее Сольвейг, маня за собой. – Теперь уже недолго.

Она протянула руку; Сэла не могла коснуться ее руки, но чувствовала, что эта рука поддерживает ее, и бежала по воде вслед за Сольвейг, которая прокладывала ей тропинку, нежную, упругую тропинку над волнами.

И вдруг впереди показался корабль. Раньше Сэла просто не догадывалась поглядеть туда и заметила его, только когда он был уже близко. Снека, не слишком большая, чем-то знакомая, шла на веслах прямо к ней. На переднем штевне Сэла мельком заметила раскрашенную конскую морду, и грива коня была искусно вырезана в виде струй, как бы стекающих в морские волны.

Поняв, что этот-то корабль и спасет ее по-настоящему, Сэла заторопилась. Хотя, казалось бы, она и так бежала изо всех сил, забыв обо всем на свете, кроме двух вещей – переставлять ноги и сжимать в кулаке «глаз богини Бат».

С корабля ее заметили: над морем разносились изумленные крики, закачались поднятые над водой весла. Сэла подходила ближе и уже могла различить людей, головы которых виднелись над разноцветными щитами вдоль борта. Сольвейг исчезла, теперь от корабля и от щитов

на его борту Сэлу отделяло не больше десятка шагов. Но эти шаги ей нужно было пройти самой!

– Иди сюда, сюда! Сэла, ко мне, сюда! – настойчиво звал с корабля смутно знакомый голос, но Сэла не узнавала его. Она знала одно: там – люди ее мира и она должна быть с ними.

Она приблизилась, и вдруг качающийся борт корабля со щитами, ощерившийся поднятыми веслами, стал казаться ей непреодолимой преградой. На миг лишь она остановилась – и сразу ощутила, что погружается! Только движение было ее спасением, а теперь стоило ей остановиться, как призрачная плотность волны изменила и она пошла ко дну.

Слабо вскрикнул голос невидимой Сольвейг, а вокруг Сэлы уже сомкнулись прохладные волны. Она умела плавать, но эта бешеная гонка через всю ночь слишком обессилила ее. Она забарахталась, как щенок, а рука с зажатым камнем тянула ее вниз, под воду. Ее тянул на дно сам ужас того, что под ногами – морская глубина, а позади – волшебный остров Туаль, который не хочет ее отпускать...

Очнулась она уже на чем-то твердом. Все вокруг покачивалось. Что-то огромное и темное склонилось над ней, заслоняя свет, глаза мучила резь, но все же Сэла видела ясное голубое небо. Во рту, в носу, в ушах было противное ощущение морской воды, но чувствовать такое способен только живой человек. Значит, она не на «этой прекрасной равнине», где обитает Темная Невеста, утянувшая к себе злополучного Ллада Прекрасного... Что, съела, Госпожа Ночь?

– Сэла! Ты меня узнаешь? – снова позвал ее голос.

Да, она его узнала. Кто-то сзади помог ей приподняться, и Сэла увидела перед собой лицо Аринлейва. Совершенно мокрый, с потемневшими от воды волосами и каплей на носу, он держал ее за плечи, чтобы она снова не упала, и напряженно, тревожно, умоляюще всматривался в ее лицо.

– Ты живая? – с дрожью в голосе спросил он.

– Да... – одним дыханием, без голоса, ответила Сэла. – Да! – хрипло повторила она, торопясь убедить в этом живых людей.

Со всех сторон их окружали люди, и всех их она знала, хотя не могла сейчас вспомнить ни одного имени. И этот, кудрявый, с торчащими, как у зайца, передними зубами, и тот, кругленький, как медвежонок, и этот, с большой залысиной... Десятки хорошо знакомых глаз смотрели на нее, в изумлении ожидая, что она им скажет. Вокруг нее был Аскефьорд. Он пришел к ней, потому что она приложила все силы, чтобы дойти до него...

Сэла подняла слабые руки, облепленные мокрыми рукавами, и вцепилась в мокрую рубаху на груди Аринлейва. Вернее, только левой, потому что ее правая рука была судорожно сжата в кулак. Сэла с усилием разжала пальцы и увидела в ладони небольшой черный камешек в золотой оправе с колечком для привешивания. Она совсем не помнила, что это и зачем, но сознавала одно: она уже дома и плен ее кончился. Остался позади остров Туаль со всеми его чудесами, с его песнями в честь чужих богов, с его воинами – отдельно и певцами – отдельно, кончился розовый ларец с башмаками фрии Эрхины, кончился... Перед ней был Аскефьорд – дерновая крыша дома, такая низкая с северо-западного угла, что на нее часто забирались пасущиеся козы, и деревянная резьба опорных столбов, по которой дед учил ее сагам, и дедова кузница, и сам он, огромный, с сильными натруженными руками и ремешком на лбу...

Все это было рядом, счастье близости к дому разрывало сердце, и Сэла зарыдала, прижавшись лицом к мокрому плечу Аринлейва, в первый раз за весь этот полный превратностей год. Она побывала пленницей, дочерью конунга и повелительницей бергбууров, она побывала Богиней в подземелье Рогатого Бога и вышла оттуда на свет, вернулась домой, чтобы снова стать собой. Но только уже другой собой, потому что никого Остров Посвящений не отпускает прежним. И только тот, кто вовремя даст умереть себе-старому, и может называться истинно живым.

Глава 3

Из внутреннего пространства кургана вверх вела земляная лестница; у выходного отверстия она смыкалась с другой, которая спускалась по склону во внешний мир. Ту и другую разделял порожек, отлитый из белой бронзы.⁷ Просыпаясь, Эрхина сразу заметила, что свет входного отверстия чем-то заслонен и кто-то сидит на том самом порожке. Это был он, вчерашний Рогатый Бог. Эрхина усмехнулась: он сидит на пороге Иного Мира, словно в двери какой-нибудь рыбацкой избушки, любясь восходом. Ее избранник остался слишком прост, несмотря на все усилия жриц чему-то его обучить, втолковать, какая великая и значительная честь на него возложена.

Правда, нельзя сказать, чтобы он плохо справился со своей частью обряда. Эрхина закрыла глаза и опять увидела темную высокую фигуру, озаренную отблесками факелов. Повелитель Тьмы пришел и ушел назад в свою зеленоватую лесную мглу, где ему суждено пребывать все ночи, кроме единственной в году. С ней остался лишь тот, кто удостоился чести одолжить божеству свое тело, не больше. Стоит ли с него много спрашивать? Кто он такой, в конце концов? Побочный сын одного из многочисленных конунгов Морского Пути, воспитанный мужем своей матери, каким-то мелким землевладельцем, и предназначенный, если бы не любовь к ней, Эрхине, для самого заурядного прозябания. Нет, в эту священную ночь рядом с ней должен был быть другой человек...

Не открывая глаз, Эрхина вспоминала прошедший вечер и еще одно чудо, которое открылось только ей одной. И слава Богине, что только ей. Все время обряда в лице Коля ей мерещились черты Торварда конунга. А значит, она не сумела изгнать его из памяти, как надеялась. В переливах света и тьмы зрению так легко обмануться – даже в фигуре Коля она видела фигуру Торварда, более высокую и мощную, и с его лица на нее смотрели глаза фьялленландского конунга. Напрасно она уверяла себя, что забыла его. В сердце ее Рогатым Богом сделался Торвард конунг, и он вернулся в эту священную ночь, когда открываются ворота истины. А в темном кургане наваждение завладело ею без остатка. Ее обнимал Торвард конунг, и она уже не напоминала себе, что это обман, – она предалась этому обману, который казался милее действительности. Страстная, яростная, какая-то отчаянная пылкость ее избранника была так уместна для воплощения Рогатого Бога – и так напоминала Торварда, в котором Бог Плодородия, похоже, жил всегда. Это снова был Торвард, единственный достойный стоять рядом с ней, но не прежний, дерзкий и самоуверенный, а смиренный и покорный ее выбору Торвард. Мечта и действительность слились в один неразрывный поток наслаждения, и никогда она не ощущала себя Богиней в такой полноте, как сейчас.

Приподнявшись, она хотела его окликнуть, чтобы сошел с порога и не загоразживал ей свет, но промолчала и замерла: что-то было не так. Что-то сильно изменилось в ней самой, настолько сильно, будто ночью в темноте ей подсунули чье-то чужое тело вместо собственного. Эрхина в недоумении посмотрела на себя – все было как обычно. Только черного камня в золотой оправе она не увидела на своей груди.

Проведя рукой по шее, она попыталась нащупать цепочку, но цепочки не было.

Эрхина села на лежанке и обхватила ладонями горло – цепочки, несомненно, не было! Внутри прошла тревожная, холодная судорога, сердце оборвалось и покатилося в пропасть. Она не могла так сразу поверить в исчезновение амулета, – это было слишком невероятно, невозможно! – но одна мысль об этом наполнила ее бесконечным ужасом.

⁷ Белая бронза, сплав меди с серебром, часто упоминаемый в кельтских сказаниях металл, служащий как бы прокладкой между Иным Миром и здешним, одновременно соединяя их и разделяя, обеспечивая контакт, но не смешение миров. Посланцы Иного мира часто приходят в обуви из белой бронзы.

Быстро обернувшись, Эрхина порылась среди смятых подушек, откинула одеяло, даже сдернула простыню. Камня на тонкой золотой цепочке нигде не обнаружилось. Мигом соскочив с роскошного, отделанного бронзой ложа, она упала на колени и стала шарить по медвежьей шкуре на полу, но в кургане не хватало света.

– Эй, дайте огня! – нетерпеливо вскрикнула она.

Голос ее дрожал. Всю ее взрослую жизнь «глаз богини Бат» был с ней. Его присутствие утверждало ее как полноправную наследницу Меддви, фрию, Богиню. Без него само тело стало каким-то легким, невесомым, неустойчивым, словно любое дуновение ветра могло его опрокинуть... пустым... призрачным... Как будто из нее тайком вынули кости, вынули сердце! Но внутри этого призрачного сосуда кипело дикое варево: недоумение, возмущение, страх – дикий, отчаянный страх, тот самый, что превращает человека в грызущего зверя.

Услышав ее голос, Коль обернулся, сделал несколько шагов по ступенькам вниз. Теперь это снова был Коль, просто Коль, но Эрхина уже и не помнила, как ей мерещился на его месте Торвард.

– Проснулась, госпожа моя? – окликнул он ее. – Где ты там ползаешь, что с тобой?

– Огня! Скорее! Не подходи сюда! – взвизгнула Эрхина, которой казалось, что он может растоптать в темноте ее сокровище. – Огня зажги, слышишь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.